

Опасные удовольствия

Автор:

Наталия Левитина

Опасные удовольствия

Наталия Станиславовна Левитина

Провинциалка Катя Антонова #2

Странное дельце подкинули сыщику Андрею Пряжникову. Убит известный банкир, а главная подозреваемая – скромная «серая мышка» Алена, кассир банка, – бесследно исчезла. Расследование заходит в тупик, и единственной зацепкой является дневник Алёны. Жаль только, самые интересные страницы в нем отсутствуют. Уже отчаявшись найти разгадку, Андрей встречает ослепительно прекрасную девушку с экзотическим именем Дирли-Ду, которая вскоре занимает в его сердце и мыслях первое место. Но сыщик не теряет бдительности! Не слишком ли много знает новая подруга об убийстве банкира?..

Наталия Левитина

Опасные удовольствия

Глава 1

Серебристые жалюзи не впускали в комнату ночь. Кабинет, расположенный на девятом этаже высотного здания, был освещен мягким светом тяжелой люстры, и пронзительно-янтарные зайчики ныряли с потолка в хрустальные рюмки с коньяком, заставляя жидкость сиять и переливаться.

Коллекционный коньяк из запасов Вячеслава Матвеевича Куницына, президента компании «Ойлэкспорт интернешнл», оставался нетронутым. Роман Шухов, васнецовский богатырь с могучими плечами и окладистой каштановой бородой, сидел в невероятно напряженной и неудобной позе на самом краешке кресла и не сводил глаз с босса.

Вячеслав Матвеевич отодвинул рукой несколько планок жалюзи и посмотрел в окно. Ночной город плескался внизу разноцветными брызгами: пульсировали росчерки малиново-красных неоновых трубок, мелькали золотистые автомобильные огни.

– Не могу поверить, – сказал президент, – Глеб не способен на предательство.

Роман сокрушенно вздохнул, излучая потоки молчаливой скорби. Факты оставались фактами. Глеб Николаевич предал своего лучшего друга.

Вячеслав Матвеевич вернулся к столу и снова взялся за пачку злополучных факсов – длинные усеянные микроскопическими цифрами рулоны бумаги, присылаемые из Германии, которые отражали движение денег по зарубежным счетам компании «Ойлэкспорт интернешнл». Безналичные доллары и марки, собственность президента Куницына, омывали банковские артерии полноводной рекой, но один маленький, тонкий, но стабильный ручеек уходил куда-то в сторону. Как только что доказал своему шефу Роман Шухов – в сторону не менее богатых и плодородных зарубежных владений Глеба Николаевича Батурского, близкого друга Вячеслава Матвеевича.

Молодой, кареглазый и краснощекий Роман шевельнулся в кресле, бросил вожделенный взгляд на коньяк, который он сейчас с удовольствием бы выпил, и удрученно покачал головой:

– Не мне судить, но, очевидно, игра по-крупному не предусматривает таких понятий, как «дружба» и «честность», Вячеслав Матвеевич. Я заподозрил неладное еще два месяца назад и, поверьте, даже боялся намекнуть вам об этом. Мысль, что ваш лучший друг и партнер нечистоплотен в делах, казалась мне кощунственной и нелепой. Я стал присматриваться и анализировать, результат меня ошарашил – вот так тихо и незаметно в крошечную, но очень остроумно устроенную щелочку из компании утекло около двух миллионов.

Вячеслав Матвеевич вздохнул. Ему легче было навсегда проститься с двумя миллионами долларов, чем с другом Батурским.

– Да, Роман, ты проделал каторжную работу, но знаешь... Я уверен, это немцы! Их жадность беспредельна. Или просто ошибка банковского компьютера. У тебя новый одеколон? Не дурно.

– У вас исключительное обоняние, Вячеслав Матвеевич. Я всегда удивля...

– Но я уверен, это происки немцев, Рома, поверь мне!

Роман скептически усмехнулся. Упертый старикан! Крут, умен, решителен в делах, в океане бизнеса резвится как игривый дельфин, конструирует эйфелевы башни многоступенчатых и замысловатых сделок, в отношениях с партнерами – железобетон, замешанный на звериной интуиции и сократовском уме. И откуда ни возмись – непонятная Роману сентиментальность! Ведь видно по глазам – знал об утечке информации и денег, знал, но не хотел себе в этом признаться. Цепляется за любимого Глеба, не желает верить в его виновность. Поник, осунулся, даже побледнел, едва взял в руки бумажную простыню, где скрупулезный и въедливый помощник ярко-розовым маркером отметил загадочные суммы, планомерно уплывающие со счетов «Ойлэкспорт интернешнл».

– Значит, так, Роман. Завтра же ты летишь в Нюрнберг. Сними копии с этих факсов, прижми немцев к стенке. Во всем разберись.

– Хорошо, Вячеслав Матвеевич. – Роман выбрался из своего кресла, замешкался. – Я допью коньяк? Исключительный букет, Вячеслав Матвеевич.

– Между прочим, подарок Глеба, – горько заметил Куницын. – Принес мне эту бутылку два года назад, мы с ним отмечали...

Президент компании недоговорил, перевел взгляд с сочувствующего Романа куда-то ввысь и погрузился в размышления.

В дверях Шухов оглянулся. Серые глаза Вячеслава Матвеевича потемнели, шеф сейчас иллюстрировал собой прогноз погоды «грозовая облачность». Если и

жили в сердце президента ненужные сегодня рыцарские сентиментальность и благородство, то он готов был в любой момент вытравить их. Роман поежился и на долю секунды ощутил жалость к Глебу Батурскому.

Безоблачное сентябрьское небо было ярко-синим, солнце просвечивало сквозь золотые ветви деревьев и ощутимо припекало.

На одной из московских улиц, жестоко наехав на Правила дорожного движения толстыми рифлеными колесами, стояли на тротуаре два автомобиля – ягодно-красный элегантный «мерседес»-кабриолет и открытый джип.

Два молодых человека, Иннокентий Ригилев и Егор Стручков, родители которых постарались внести детишек в список персон, особо обласканных судьбой, вяло реагировали на робкие протесты прохожих и живо обсуждали интересный вопрос.

– Право, Егорка, будет забавно. Приходи. Двадцать лет, значительная дата, юбилей.

– Девицы будут, конечно? – брезгливо поморщился Егор. Женский пол его раздражал: красивый и богатый юноша, Стручков постоянно становился предметом домогательств алчных девиц.

– Вообще-то я планирую мальчишник, но девочки тоже будут привлечены – в качестве десерта. Не волнуйся, никто к тебе приставать не будет. К сожалению, бассейн с подогревом еще не достроен, я хотел организовать шоу «Стриптиз на воде». А так придется ограничиться ипподромными скачками.

– Девятого октября?

– Да. Через две недели. Подъезжай к восьми вечера. Кстати, Стручок, я ставлю сто баксиков, что твоя краснобокая лоханка не сможет обогнать моего резвого бычка на спринтерской дистанции. Давай попробуем, отсюда вон до того перекрестка.

– Свихнулся? Мы же убьемся, Кеша.

– Фортуна и женщины любят смелых, Стручок, заводи!

Через минуту «бычок» Иннокентия злобно огрызнулся и скрипнул шинами, стартовав на второй передаче. Джип несясь по узкой улице, преследуемый красным «мерседесом». Кеша подпрыгивал на сиденье и хохотал во все горло, азартно вцепившись в руль.

Глуховатая, очевидно, старушка, опрометчиво ступившая на проезжую часть, которая превратилась в гоночную трассу, едва не пала жертвой соревнования. От ужаса она выронила из рук хозяйственную сумку, любовно реставрированную не менее пятисот раз, и вмиг ее авоська отлетела в сторону, плюхнулась на землю с асфальтово-стеклянным стуком и растеклась густой белоснежной сметаной.

– Елы-палы, – крепко выругался мужчина, свидетель происшествия, – что, бабуля, поела сметанки? А шаг вперед, и тебя бы по асфальту размазали, а не сумку.

– Какие гады, – сокрушенно заметила женщина в джинсах и футболке, поднимая растерзанную авоську. – Думают, им все позволено! Бабушка, наверное, на эту сметану полмесяца деньги копила!

Небольшая толпа, центральной фигурой которой стала несчастная жертва, едва сдерживала соболезнующие слезы. Старушка молча рассматривала сумку.

– О, снова едут! – возмутилась толпа. – Не наездились!

Тихо урча, задним ходом возвращался «мерседес». Из него выскочил побелевший Егор Стручков. Негодующая публика расступилась.

– Простите, ради Бога! – взмолился он, оглядывая бабулю и с облегчением понимая, что пострадали только сметана и миллион-другой нервных клеток. – Я компенсирую вам. Вот, возьмите! – Егор протянул пожилой женщине сто тысяч.

Старушка заторможенно опустила руку в авоську, вытащила крупный осколок банки, весь молочно-белый, и пистолет с накрученным глушителем, тоже измазанный сметаной. Народ окаменел в неясном предчувствии.

Двумя меткими глухими выстрелами бабуля хладнокровно проделала дырки в правых колесах «мерседеса». Автомобиль тут же осел на один бок. Толпа незаметно растворилась в пространстве. Егор отступал, не сводя испуганных глаз с пистолета и зажав в моментально вспотевшем кулаке влажную купюру.

Бабушка-снайпер молча спрятала оружие и неторопливо скрылась в арке между домов.

Оля Емельянцева устроилась в глубоком кресле и занялась педикюром. До этого она уже пять раз неторопливо прошла туда-сюда по гостиничному номеру, все время поправляя сползающее с груди большое махровое полотенце (в ванной была и простыня, но полотенце заканчивалось как раз в том месте, где начинались красивые Олины ноги), долго и самозабвенно расчесывала влажные волосы. В приглушенном свете настольной лампы ее голое тело приобрело персиковый оттенок, после цветочной ванны она вся источала нежный аромат, была исключительно свежей и чистой. Теперь Оля увлеченно возила пилкой по ногтям, принимая изысканно-эротичные, соблазнительные позы. Как опытный мясник умеет показать товар с самой выгодной стороны, прикрыв крупную кость парной мякотью, так и Ольга демонстрировала свои чудесные достоинства «покупателю» на полную катушку. Она собиралась выгодно выйти замуж.

«Наконец-то уgomонилась», – раздраженно подумал Роман. Он по-турецки сидел на диване и колотил по клавишам ноутбука. Клавиши отзывались тихим пластмассовым треском, по яркому красочному экрану ползли бесконечные гусеницы чисел.

Оля бросила пилку, задумалась. Она любовно оглядывала Романа, уткнувшегося в свой компьютер, представляя его в смокинге и себя рядом – в шикарном платье. Отлично. Через год, в двадцать пять, можно будет родить ребенка. Пухлого, здорового малыша – у Ромы удивительное здоровье. За тридцать лет жизни ни одного насморка, зимой купается в проруби, жонглирует гирями. Оля мысленно потрогала богатырский бицепс, живой и упругий под шелковистой кожей, и зашевелилась в кресле от удовольствия. Главное, чтобы у него все в порядке было с бизнесом, чтобы деньги никогда не кончались. Она не стремится к скучной жизни богатой бездельницы – корты, бассейны, шампанское с бисквитами, массаж, ночные клубы, круизы, орхидеи, бриллианты, лошади, автомобили, – но определенное количество жизненных благ она от мужа потребует.

Уже почти два года они вместе, и Ольга потратила массу энергии и изобретательности, чтобы крепко привязать к себе перспективного кандидата, опутать его нежной и невидимой паутиной мелких привычек, взрастить в нем необходимость все время иметь под рукой эту умную, тонкую, внимательную молодую женщину. Ей это действительно удалось. Еще ни одной командировки Роман не провел без Ольги, а командировки у Романа Шухова случались часто.

Оля сбросила ненужное полотенце, устремилась к дивану и полукругом улеглась вокруг ноутбука – так, что черная прохладная крышка касалась ее голого живота.

– Милый, ты столько работаешь!

– Это наше будущее благосостояние, – ответил Роман, не сводя глаз с экрана. Он протянул руку и погладил девушку по бедру. – Ты чудесно пахнешь. Один звонок в Москву, и на сегодня я свободен. Да, котенок, сегодня в разговоре с Бингенхаймером ты шесть раз перевела неточно. И три раза путала глагол.

– Ерунда, я прекрасно знаю язык, – самоуверенно отмахнулась Ольга. – Ну, звони скорее, и будем спать! Роман взял телефонную трубку. Через минуту из нее донесся спокойный голос Куницына:

– Я слушаю.

– Вячеслав Матвеевич!

– Да, Рома, как дела?

– К сожалению, я не могу вас обрадовать, Вячеслав Матвеевич! – грустно произнес Роман. – Все, о чем мы говорили, подтвердилось.

– Значит, так, – бесцветно отозвался Куницын. – Ну что ж... – Трубка немного помолчала. – Когда ты сможешь вернуться, Рома?

– Я думаю, где-то числа шестнадцатого, Вячеслав Матвеевич. Буду ликвидировать брешь. А все необходимые документы передам по факсу завтра же. Вас это устроит?

– Добро, – согласился Куницын. – Семнадцатого октября в восемь утра жду тебя. Оле привет.

Роман удивленно замолчал. Он не ожидал, что босс знает о постоянном эскорте, сопровождающем его в каждую командировку.

– Вы ведь два попугая-неразлучника, – объяснил Вячеслав Матвеевич. – Ну, всего хорошего.

Отбой.

– Что подтвердилось? Какую брешь? – спросила Ольга. – Мы что, будем торчать в этой нюрнбергской дыре еще почти три недели? В Москву хочу!

Роман щелкнул любопытную красотку по носу.

– Тихо, женщина. Все, теперь я твой.

Ольга с готовностью уволокла ноутбук на стол.

– Почему ты всегда такая голая, Олик, – вздохнул Роман. – Даже раздеть тебя самому нельзя.

Звонок сотового телефона настиг Вячеслава Матвеевича в машине. Он уже почти выбрался, но теперь, после разговора с Шуховым, тяжело опустился обратно, положил руки на руль и остался сидеть в темном салоне автомобиля.

Десять лет назад дружба Куницына и Батурского прошла через испытание Виолой. И все эти десять лет мужского одиночества, наполненные лишь напряженной до самозабвения работой, вид нежной, романтической, мягкой Виолы – такой любимой и недоступной – окатывал сердце горько-сладкой волной: как высоко он ценил Глеба, если ради него отказался от этой невероятной женщины.

Зачем? Чтобы десять лет спустя единственный друг предательски подрезал его на повороте – конечно, очень элегантно, но от этого не менее подло.

Вячеслав Матвеевич повернул ключ, и автомобиль – мощный ручной зверь – тихо ожил. Сейчас они встретятся и поговорят начистоту. Поговорят начистоту, начистоту, глаза в глаза. Но о чем им теперь говорить? Два миллиона долларов, сказал Роман, по предварительным подсчетам – во столько обошлась Куницыну его доверчивость. Плюс Виола, которая могла бы превратить эти тоскливые десять лет, наполненные эпизодическими контактами с малознакомыми женщинами, в фантастический карнавал, полный любви, нежности и заботы друг о друге.

Вячеслав Матвеевич выключил зажигание. В темноте не было видно, как его лицо, обычно такое лучистое и обаятельное, окаменело, а серые глаза стали совсем черными – разочарование, пропитанное обидой и злостью.

Глава 2

Октябрь дебютировал мелким, противным дождиком. Алену трясло от холода и нервного напряжения. Она поправила огромные черные очки, которые были так неуместны в этот пасмурный день, и стиснула негнущимися пальцами сумку. Сумка была сегодня непривычно тяжела, так как таила в себе ледяную сталь оружия. Пистолет был так же неуместен в компании пудреницы, дамской записной книжечки и игрушечного талисмана, как и солнцезащитные очки на Аленином покрасневшем носу.

Алена преодолела путь через холл банка и длинный коридор, поднялась на второй этаж. Она перемещалась медленно, словно в тумане, словно была загипнотизирована мыслью, навязчиво бьющейся в чугунно-тяжелой голове: «Неужели я смогу это сделать?»

Около приемной на нее налетела секретарша Лиза.

– Аленка, что с тобой? – удивленно затараторила девушка. – Уже вышла с больничного? Ну и вид у тебя! Ужас! Если ты к Глебу Николаевичу – лучше не заходи. Он сегодня какой-то ненормальный! А у нас начался ремонт фуршетного зала! Я бегу на третий этаж сказать строителям, чтобы перестали колошматить молотками. Глеб Николаевич пообещал, если они сейчас же не прекратят

вбивать гвозди в его череп, расстрелять всех из пулемета...

Недослушав болтовню Лизы, Алена вошла в приемную. Вытаскивая из сумочки тяжелый пистолет, она открыла дверь с укрепленной на ней торжественной табличкой «Генеральный директор банка Батурский Глеб Николаевич» и увидела ЕГО.

Глеб Николаевич сидел за своим огромным столом и устало и спокойно смотрел прямо Алене в глаза. Потом он перевел взгляд ниже и увидел направленный на него пистолет.

– ...А теперь там открыли бассейн.

Друзья сидели на кухне за дежурными шестью бутылками пива. Журналист Максим Колотов с обидой в голосе, прерываясь лишь для очередного глотка, рассказывал сыщику Андрею Пряжникову, как не хорошо с ним поступили владельцы аквапарка.

– Да, шикарный комплекс. Мрамор, голубая вода. Тренажерный зал, парикмахерская, сауна, джакузи, массажный кабинет, водопад. Знаешь, я люблю плавать. Кто не любит? Конечно, мчусь покупать квартальный абонемент за триста долларов. Девочка с зелеными глазами мило улыбается мне и просит принести справки по списку – пальчик с коготком цвета «Руж нуар» устремлен в сторону списка...

– Сходи в поликлинику, – заметил Андрей. – В чем проблема? В бассейн всегда требовали справку от дерматолога и из кожвендиспансера.

– Но там необходимо по крайней мере три килограмма таких справок. В том числе что я, весь такой ползучий, заросший шерстью и грязью, мерзкий, гнусно пахнущий, не обременен трихомонадами, кандидами, гонококком, хламидиями, а также вирусом иммунодефицита. Посмотри мне в глаза. Я похож на человека, у которого есть свой собственный, индивидуальный вирус иммунодефицита?

– Не похож, – честно ответил Андрей. – Хотя не знаю. Ты аморальный, распущенный тип. Посмотри, что мне матушка прислала из Нью-Йорка.

Подлинный Клайн, четыреста долларов.

– Да, рубашечка. Как раз к твоим глазам. Ну и вот, если бы в Америке я делал аборт, даже в этом случае от меня не посмели бы потребовать анализ на СПИД. А здесь в какой-то захудалый бассейн...

– ...с джакузи, водопадом и сауной...

– ...захудалый, никому не нужный бассейн требуют! Мне не хватит четырех литров крови, чтобы сдать все необходимые анализы.

– Кончай разоряться! Трагедия. Плавай дома в ванне.

– Это нарушение прав человека!

– У тебя вполне приличная ванна.

– Я напишу статью!

– Обожаю журналистов, которые используют газетные страницы для мучительно-скорбных повествований о собственных бедах.

Дружеская дискуссия была прервана телефонным звонком. Андрей взял трубку. Через несколько минут он вернулся на кухню и начал скидывать в ведро пустые бутылки из-под пива.

– Что произошло? Вызывают? – сдержанно поинтересовался Макс.

– Только что в своем кабинете убит директор банка «Гарант» Глеб Батурский. Черт! Опять ты соблазнил меня пивом в разгар рабочего дня! Нельзя было перенести на вечер? Придется нарушить правила.

– Лучше бы Батурский перенес свою кончину на утренние часы. Тогда бы сейчас ты уже вернулся с места происшествия и подробно за бутылочкой хорошего пива обо всем мне рассказал. Эх, жаль мужика!

– Ты его знал? – с подозрением посмотрел на друга Андрей.

– Лично – нет. Но пару раз описывал его подвиги на ниве благотворительности. У него несколько частных фондов – помогает больным детишкам, то да се. Я даже ставил Батурского в пример другим: вот какой нежадный мальчик, богач, а о сырых и убогих не забывает. А в европейских странах употребление пива за рулем автомобиля не считается...

– Вставай, хватит разглагольствовать. Выметайся.

– На улице дождь! Я поеду с тобой, Пряжечкин, – заныл Максим. – Состряпаю информационную заметочку.

– Я тебе состряпаю. Выметайся, я сказал. – Сыщик и журналист вышли из подъезда, а дождь в этот момент переходил на новый уровень интенсивности. Мелкие капли превратились в потоки воды, дробью звеневшие по железу подъездного козырька и окнам, лужи хлюпали, ветки деревьев с багряными листьями вздрагивали. Макс попытался натянуть плащ на голову и, когда это ему не удалось, недовольно пробормотал:

– Холодно, а работать надо, подумал эксгибиционист, снимая шубу.

– Что ты там бурчишь? – не понял Андрей. – Побежали.

День, трагически окончившийся для Глеба Батурского, стал непривычно насыщенным встречами, знакомствами и интервью для его семнадцатилетней секретарши Лизы. Лиза уже испуганно отревела пятнадцать минут над бездыханным телом любимого начальника, заново облагородила длинные ресницы стойкой тушью «Стреч маскара» и теперь, взволнованная и красивая, с вдохновением отвечала на вопросы очень приятного молодого следователя. У детектива была внешность высокооплачиваемого манекенщика из команды Валентине, и Лиза думала, насколько несправедливы извивы судьбы, если для встречи с таким интересным сыщиком было необходимо пожертвовать драгоценным шефом Глебом Николаевичем.

– Теперь, Лиза, расскажи мне все спокойно, – учительским тоном говорил Андрей Пряжников. – И постарайся не отклоняться от избранной темы, иначе мы не уйдем отсюда до позднего вечера.

«Это было бы здорово!» – восторженно подумала Лиза, тут же представив, как великолепный сыщик везет ее домой на служебной машине среди московской ночи – не отправит же он ее на метро!

– Да, – кивнула Лиза. – Я постараюсь не отклоняться. А разве я отклоняюсь?

Андрей хмыкнул. За последние тридцать минут он узнал невероятное количество интересных сведений: о поездке в Таиланд племянницы главного бухгалтера, о варикозе у дамы из валютного отдела, о неудачной покупке акций сыном вице-президента, о шикарном гнедом скакуне, подаренном начальником отдела кредитования своей шестнадцатилетней любовнице, – все это было крайне занимательно, но как-то не стыковалось с гибелью Глеба Батурского.

– Да. Хорошо. – Лиза сосредоточилась. – Глеб Николаевич, значит, с самого утра был сегодня не в духе. Он очень милый мужчина, интеллигентный, сдержанный, предупредительный, но сегодня, очевидно, плохо спал. Или его доконали строители. У нас начался ремонт, они очень громко, душераздирающе... А! Возможно, его бросила любовница... Да. Я уже давно заметила эту вялость и апатию, последнее время у него были такие глаза грустные... Но может, просто болела голова. Или еще что-нибудь. В общем, не знаю, но Глеб Николаевич сегодня был диким. А знаете, ведь в декабре прошлого года он расстался со своей женой. Банк бурлил. Особенно мы, девочки. Расстаться с такой женщиной! Просто удивительная женщина! Комильфо от бровей до голеностопного сустава! Она...

– Глеб Николаевич с утра был не в духе. В чем это выражалось? – устало вздохнул Андрей.

Лиза поморгала, задумалась, посмотрела на потолок.

– Вот. У нас на третьем этаже начался ремонт. Перестраивается фуршетный зал. Фуршетный зал – это для приемов. И презентации тоже в нем, и пресс-конференции. Солидному учреждению конечно же необходим. Недавно мы в нем праздновали всем нашим дружным коллективом... Ой, опять сбилась! Ну ладно. Грохот, стук, треск дьявольские. Ничего не было слышно! Ни по телефону поговорить, ничего. Да. Мне кажется, у Глеба Николаевича сегодня болела голова, а они, строители, как назло сверлили пол как раз над его кабинетом. Роняли что-то. Изверги! Издеваются над человеком. И Глеб Николаевич крикнул

мне, чтобы я пошла наверх и всех их, к черту, расстреляла из пулемета. И я пошла. А в коридоре встретила с Аленой Дмитриевой, я вам уже говорила.

– Она работает в банке?

– Да. Она работает здесь где-то полтора года. Кассиром. Я едва узнала Аленку, но и понятно, она ведь месяц болела. И лечилась. Да. Болела и лечилась.

– От чего лечилась?

– Так. Она же мне говорила. От чего же она лечилась? Не сердце? Нет. А, почки! Пиелонефрит. Она с начала сентября взяла отпуск без содержания. У нас, знаете, если болеешь, больничный лист лучше не брать – потом заключают, что ограбила родное предприятие. Я недавно подхватила ангину – обидно, в разгар лета ангина. Конечно, накормили меня «Баскин Роббинс», грамм шестьсот смолотила – ромовое с изюмом. Вкусно, обалдеть! Я так люблю мороженое. И мне с этой ангиной пришлось...

Андрей тихо зарычал. Лиза встрепенулась, бросила на него испуганный взгляд и снова затараторила, как послушная ученица:

– Пардон! Язык без костей. И вот я наткнулась на Алену. Худая, бледная, в дурацких темных очках, а под глазами – черные круги, даже через очки их видно. Да нет, я бы ее ни за что не узнала. Но этот ее ужасный плащ! «Месть Юдашкина» называется. Я сколько раз ей говорила: Аленка, разорись на что-нибудь посовременнее. Может, она деньги откладывала для какой-то цели? Не знаю. В общем, новый плащ себе не покупала. Да. Значит, столкнулась я с ней. Алена и обычно-то не сияет красотой, а сегодня... Кошмар! Какая-то вся нервная, дерганая. Не захотела со мной поболтать. Обычно она такая приятная, и поговорит, и все. А сегодня... Пошла прямо в кабинет к Глебу Николаевичу. А я разобралась с рабочими – они оказались такими симпатичными ребятами, и все не старше двадцати двух – и вернулась. Минут через тридцать-сорок.

– Пришлось так долго убеждать их не шуметь? – улыбнулся Андрей.

– Да! Вы понимаете. Как же им не шуметь, если гвозди надо заколачивать. А может быть, меня не было целый час? Нет, тридцать минут. И когда я пришла, Глеб Николаевич, бедняжка, лежал в своем кресле ужасно какой неживой. С

пистолетом в руке. На столе беспорядок, видели, какой у него роскошный стол, знаете, это ручная работа, настоящий дуб, везли из Италии. Боже мой, он все-таки не смог перенести этого адского грохота!

Лиза учащенно заморгала, очевидно сдерживая близкие слезы, но Андрей отвлек ее новым вопросом. Лиза шмыгнула носиком и справилась с эмоциями.

– Нет, он не был левшой. Все документы всегда подписывал правой рукой, я точно помню.

Лиза снова уставилась в потолок и начала поворачиваться и двигать руками, словно вспоминая, как она подносила бумаги на подпись.

– Совершенно точно! Вот так я подходила к нему, с этой стороны, и он расписывался правой рукой. И писал всегда правой.

– А почему на этой фотографии он держит ручку в левой? – Андрей указал на стену, где в деревянной рамке висел снимок: Глеб Батурский и еще один мужчина, жизнерадостно улыбаясь прямо в объектив, занесли ручки над какими-то документами, собираясь их подписать.

Лиза озадаченно разглядывала фотографию над своим рабочим столом, которую видела каждый день.

– Точно, в левой! Вот удивительно! А я и не обращала внимания! Это Глеб Николаевич и Ганс Бингенхаймер, президент нюрнбергского банка, подписывают договор о сотрудничестве. Господин Бингенхаймер приезжал к нам, такой смешной! Всем женщинам делал презенты – дешевые колготки, лак для ногтей, позорную губную помаду. Наверное, думал, мы, бедные женщины из дикой страны, умрем от радости. А я такие колготки даже мусор вынести не надену. Ой, извините, я снова отвлеклась! А! Вспомнила! Немец обязательно хотел сделать снимок на память, как они подписывают договор, хотя они уже все давно подписали, и последние три дня он просто знакомился с русским гостеприимством, то есть развлекался на двести сорок килогерц. И Глеб Николаевич вместе с ним тоже. И доразвлекался: переводчица мне рассказала: разбил фужер в ресторане и изрезал себе всю руку. На фотографии не видно, но она у него перебинтованная, он держит ее под столом. А ручку взял в левую и позирует. Вот!

– Молодец! Ты очень компетентная девочка, столько всего знаешь, – похвалил Андрей, и Лиза зарделась от удовольствия. – Теперь расскажи мне об Алене Дмитриевой.

– А что о ней рассказывать? Ну Алена. Дмитриева. Скромная такая, незаметная. Но конечно, хорошая девчонка. Любой вам скажет в банке. Другие что-то суется, интригуют, комбинируют, а она спокойно так работает, не сплетничает никогда. Разговаривать с ней интересно, образованная. Но не выпендривается. Вот я, например, знаю, что она в сто раз умнее меня, но когда я с ней разговариваю, она так слушает внимательно, и от такого обращения сама себе кажешься умной. Нет, классная девчонка. Одевается, конечно, бедно, у нас в банке сразу в глаза бросается, у всех тут зарплаты о-го-го. Но я же говорю – наверное, экономит. Может быть, хочет поднакопить денег, смотаться в Европу или Америку по путевке. А заодно и шмоток набрать. Я так делала, когда в отпуск ездила. В Москве-то зачем покупать? Все дорого. А в Европе дешево и все самое-самое модное. Нет-нет, я не отвлекаюсь, я про шмотки вообще ничего не говорю, я помню, что надо только про Алену. Так. Ну, немного замкнутая, сама первая на контакт не пойдет, всех сторонится. Но если ее кто-то о чем-нибудь попросит – никогда не откажет. Вот если идти в клуб или на дискотеку, я бы, конечно, с ней не пошла. С такой подружкой мальчиков не подцепишь. Но если проблему какую-то решить, помочь в чем-нибудь – она никогда не откажется. Алена серьезная и надежная. Да, не легкомысленная финтифлюшка, как я, например. И говорит она так... Интересно. Я так не умею. Красиво, правильно, слова необычные употребляет, выражения.

– Например?

– Например... Ой, не вспомню. А, нет. Недавно она вот сказала «между Сицилией и Хрибдой», и я не поняла...

– Между Сциллой и Харибдой?

– О! – с уважением посмотрела Лиза на Андрея. – Вы тоже образованный! Да. Между Сциллой и Хрибдой. Харибдой. Язык, блин, ломаешь. И Алена мне объяснила, что это значит, – меж двух огней. Вот как просто объясняются многие загадочные вещи.

– И не говори, – согласился Андрей.

В банке «Гарант» Пряжников оставался около двух часов. Еще несколько человек видели бледную и «какую-то странную» Алену, целеустремленно двигавшуюся в сторону президентского кабинета как раз в тот отрезок времени, когда произошло убийство. А в том, что это было именно убийство, натренированный детектив Пряжников определил безошибочно.

Глава 3

Ксения сделала закрепку, обрезала нитки и вытащила ткань из-под лапки. Маленькое шелковое платье цвета слоновой кости в стиле «воинствующий аскетизм» готово. На него было потрачено два метра немыслимо дорогой ткани, три дня и уйма нервов. Простота изысканной модели требовала филигранной точности исполнения, и за эти три дня Ксения не раз боролась с искушением раздробить на кусочки швейную машину. Ей приходилось соревноваться с Клайном, Валентине, Черутти и Ферре, ведь остальные девочки, несомненно, придут на вечеринку в их нарядах, а в ее скромном бюджете не было двух тысяч долларов для приобретения подобного платья.

Ксения надела свое творение и с удовольствием уставилась в зеркало. Платье струилось, мерцало и выглядело достаточно дорого. Ксения начала кривляться перед зеркалом, строя из себя кинозвезду, пока это увлекательное занятие не было прервано звонком в дверь.

Сапфира Азизова держала в руках громадную розовую коробку, и ее зеленые кошачьи глаза сияли тревожным огнем. Она почти задышалась от возбуждения.

– Ксюшка, вот, только что купила! – взволнованно сообщила она подруге, вваливаясь в квартиру. – Хозяйки нет? Я примерю!

Она побежала в комнату, где быстро разделась, и через секунду появилась перед Ксенией в ослепительном полупрозрачном наряде из «металлического» кружева.

– Это Донна Каран! – объяснила Сапфира, сияя восторгом. – Еле выпросила у папы денег, не хотел давать. А ты в чем пойдешь?

Ксения сникла. Ее туника вмиг превратилась в блеклую тряпку рядом с агрессивно сверкающим нарядом Сапфиры.

– Да я... Вот в этом собиралась...

Сапфира скептически оглядела подругу:

– Очень миленько. Но, Ксюша, если ты собираешься соблазнить Стручкова... Надо что-нибудь вызывающее, яркое, безнравственное. Надо его поразить. Он привык не замечать тебя, ты скромна, хотя и безукоризненна. И вот ты появляешься у Зоей в божественно-роскошном одеянии, пусть это будет золото, бисер, перья, наконец. Что-нибудь необыкновенное, что нельзя не заметить. Ну, с перьями и бисером – это гипербола. Мужчины реагируют на яркое, я тебе говорила. И когда Стручок не сможет тебя не заметить, ты увлечешь его интересной беседой – он обожает автомобили, без ума от них; ты прочитала «За рулем», которые я тебе дала?

– Прочитала, – послушно отозвалась грустная Ксения.

– Молодец. После этого, я уверена, он скажет тебе: «Ксюшка, почему же я раньше тебя не замечал?» Скажет, скажет, он достаточно прогнозируемый материал. Потом он сам начнет искать с тобой встречи, а я удивленно и небрежно замечу: «Ты что, Стручок? На что претендуешь? Ты думаешь, почему Ксюша всегда так тиха и незаметна? Потому что не хочет провоцировать. Ее мужчины преследуют. И какие мужчины! О!» И Егор у нас в кармане. Ксения, если ты будешь меня слушаться, он никуда не денется. А так ты будешь вздыхать по нему до самых госэкзаменов.

– Да, – согласилась Ксюша. – Он такой блестящий молодой человек!

– И партия блестящая! – поддержала Сапфира. – Если он влюбится в тебя, считай, ты обеспечила себе черепаховый суп, шелковые простыни и безоблачную старость. Его шикарный папулька-миллионер будет кормить вас с ложечки до самой смерти. И ваших правнуков.

– Мне просто кажется, я его люблю, – тихо заметила Ксения. – Я... Мне не надо черепахового супа.

– Да? Ну в принципе не помешает ведь. Поэтому, Ксенька, ищи денежки и постарайся выбрать что-нибудь потрясающее.

И Сапфира упорхнула, оставив подругу наедине с ее проблемой. Ксения с ненавистью отшвырнула платье и погрузилась в мучительные размышления.

Потрясенный Кеша Ригилев ехал в метро и поедал взглядом девицу, что сидела напротив него под наклеенным на стену вагона рекламным плакатом, пропагандирующим жевательную резинку.

Иннокентий был потрясен, во-первых, событием, которое произошло с ним три часа назад, а во-вторых, тем фактом, что он, Кеша Ригилев, едет, как понурый плебей, в метро, а не на своем крупноколесном и норовистом джипе. В метро, впрочем, оказалось совсем не плохо: под землей, как и на поверхности, сновали в большом количестве симпатичные и аппетитные девчонки, одна из которых сидела сейчас прямо по курсу и смотрела на Кешу круглыми глазами.

Всего три часа назад Иннокентий, божественно нагой и возбужденный, находился в своей фешенебельной квартире на седьмом этаже элитного дома и подбирался к четырнадцатилетней нимфочке с травмирующим именем Агнесса. Кеша собирался неистово прижать Агнессу к своей груди, чтобы она, как сочный плод, брызнула ароматным соком (за последние два месяца он проделывал этот трюк не раз), но юная нимфа внезапно побледнела, потом медленно сползла вниз по Кеше в тихом обмороке и начала истекать кровью.

В «03» юноша, обеспокоенный нетипичным поведением подруги, не дозвонился, зато через десять минут прибыла коммерческая «скорая помощь». Иннокентий, не задумываясь, прыгнул в распахнутое чрево лимонного микроавтобуса вслед за врачами и бездыханным телом Агнессы и через некоторое время обнаружил себя в приемном покое гинекологической больницы на другом конце Москвы.

Усталый врач заверил, что жизнь девушки уже вне опасности – природа спасла Агнессу от нежелательной беременности, а Иннокентия – от внезапного отцовства, и рекомендовал молодому повесе впредь не быть столь беспечным и не разбрасываться тоннами сперматозоидов направо и налево. Кеша хотел было возразить, что он здесь, возможно, и ни при чем, но вовремя вспомнил, что

Агнесса поступила в его распоряжение невинной, словно утренняя фиалка, и самокритично промолчал.

Сейчас он возвращался домой на метро, выпросив у какой-то милосердной дамы жетон, – у Иннокентия не было с собой ни денег, ни документов, ни верхней одежды.

Девушка напротив (это была Лиза, секретарша банка «Гарант», которая возвращалась с работы домой) гипнотизировала Ригилева неподвижным взглядом. Так ему казалось. На самом деле Лиза полностью ушла в себя, погрузилась в свои мысли, перерабатывая впечатления минувшего дня, и не замечала ничего вокруг.

В ее голове царил невероятный кавардак.

«Как же мы теперь без Глеба Николаевича... – думала Лиза. – Без Глеба Николаевича нам никак нельзя. Сиротинушки. Что теперь будет? Хотела бы я знать. А будет капитальная коррида. Почему коррида? Потому что я любила Глеба Николаевича преданно и верно. А найду ли я в себе силы полюбить нового директора? Проблема. А если это будет женщина? Ядовитая гримза в стильных очках и костюмчике за тридцатник „Франклинов“, экономически и юридически подкованная выдра, которая сравнивает меня, убогую и малограмотную, с ламинированным паркетом в приемной. Да... Она уж не станет терпеть мои мини и безумную фиолетовую помаду, как душка Глеб Николаевич, нет, ни от кого другого не дождешься подобной лояльности. Надо не забыть про колбасу. Холодильник снова пустой. Или лучше куплю пирожков с капустой? Бедный, бедный Глеб Николаевич! Зачем ему было стрелять в себя? Да, пирожки лучше. Зачем? Хотя Жанетта из валютного шепнула мне, что возлюбленный директор не сам застрелился, а был убит. Убит! Кошмар! Жанетта тоже хороша, приперлась сегодня на работу с голыми плечами. Вся из себя. Будто лето на дворе. Ладно бы Элизабет Тейлор, а то лишних пятнадцать килограммов, веснушки и прочая белиберда. Не Жанетта, а сплошная проблемная зона. И туда же, с голыми плечами. Так и давала показания – обнаженная до судорог, словно у нас тут не солидный банк, а бордель. Бордель! Что Андрей подумал? Да, интересно было бы узнать, что он вообще думает. Милашка, пупсик. И как ему удалось получиться таким красивым? Наверное, мама красивая. Мама красивая, и сынуля удачный. С такой внешностью и фигурой прямая дорога на рекламный постер. Обтянулся джинсиками, закурил „Мальборо“ – и загребай денежки бульдозером. Но нет. Юноша не ищет легкого пути. Он ловит негодяев и бандитов, преследует

их, весь такой из себя шикарный и незабываемый, дышит им в затылок мятным дыханием и отстреливает из табельного оружия. Потрясающий мужчина. И в глубокой скорби я должна признать, что абсолютно его не заинтересовала. Абсолютно. Только как свидетель. Факт чудовищный и непонятный. Неужели незаметно подобралась старость? Неужели я перестала волновать мужчин? Не верю, как сказал Стравинский. Стравинский? Нет, вроде Станиславский. Если это сказал Станиславский, то кто такой Стравинский? Откуда я взяла эту фамилию? И вообще, это сказал Мейерхольд. Точно. Это он закричал: „Не верю!“ – потому что от природы был очень недоверчив. И я тоже недоверчива. Не могу я разонравиться мужчинам, нереально это, не правдоподобно. Вот и мальчуган напротив не сводит с меня глаз. С меня и моих коленок. У, вражина, уставился. Я знаю, у меня изумительные коленки. Изумительные. Но если он не прекратит пялиться так пристально, я, пожалуй, подумаю, что у меня где-то на ноге выросла бородавка. Прямо-таки поедает меня глазами. Я так же буду сейчас дома поесть пирожки, если не забуду их купить на остановке. Смачно и с чавканьем. Инга сегодня заявила в таком платье, я просто валяюсь с ног! И где она столько денег взяла? Каждый день – новый наряд. Богатый муж? Или богатый любовник. Скорее два любовника. Один такое великолепие не потянет. Платье – обалденный кутюр, на мне бы смотрелось, конечно, лучше. Даже не представляю, сколько такая красота стоит. Хотя мальчуган неплох, признаю. Наверное, подкатит знакомиться. Тщетно! Я теперь вся в думах о прекрасном Андрее. Или нет! Я в думах о Глебе Николаевиче. Кто же его прикончил? За что? Попробуем шевельнуть мозгами. Нелегко. Последний раз я ими шевелила, когда этот немец Бингенхаймер попросил налить ему чашку кофе без кофеина с полутора ложечками сахара и десятью граммами заменителя сливок. Я в тот момент так напряженно зашевелила мозгами, все думала: он окончательный кретин или только маскируется, чтобы контракты выгодно подписать? Но кто все-таки убил Глеба Николаевича? А если Алена? Вот в это я не поверю никогда. Хотя она так странно сегодня выглядела. Если человек выглядит так странно, он вполне может кого-нибудь укокошить. Если бы я собиралась кого-нибудь пристукнуть, я бы тоже не излучала веселье. Так, я ушла наверх, Алена отправилась в кабинет Глеба Николаевича. Что ей было нужно? Кассирши просто так не ходят в кабинет к генеральному директору, да я бы знала, зачем она к нему пошла, ведь я и сижу в приемной, чтобы контролировать доступ к телу директора. А она запросто поперла в кабинет к Глебу Николаевичу. Для таких визитов необходима весомая причина. Например, желание убить шефа. Да, этот мальчуган определенно решил меня охмурить. Не сводит глаз. Если он полагает, что я так доступна, – ошибаетесь, милейший. Я в метро не знакомлюсь. Только на рабочем месте. На моем рабочем месте и в окрестностях можно познакомиться с очень приличными и солидными людьми. Вот, например,

сегодня я познакомилась с Андреем Пряжниковым. Лапусик. А не так давно – с Костей, капитаном налоговой полиции. Вот так вот! Это вам не в метро какую-нибудь холеру подцепить, это люди с большой буквы. Капитан налоговой полиции! Звучит! Константин смотрел на меня с определенным интересом. Но почему же не попросил телефон? А зачем ему просить мой домашний телефон, если он знает номер рабочего? Если он знает номер рабочего, то почему до сих пор не позвонил? Но кто все же убил Глеба Николаевича?..»

«Я ей определенно нравлюсь, – думал Иннокентий, разглядывая Елизавету, – девочка не сводит с меня глаз. Девочка – сплошное крем-брюле. Соблазнительнейший экземпляр. Тонка, нежна, круглоглаза, неиспорченна. Почему бы нам не подружиться, мадемуазель? Агнесса, очевидно, надолго вышла из строя. Стоп, Иннокентий, стоп. Еще час назад ты клялся себе, что больше никогда не свяжешься с несовершеннолетней».

Электричка в очередной раз остановилась, и Лиза поднялась с места. Она нерешительно посмотрела на симпатичного мальчугана, зондируя почву на предмет возможной стыковки. Иннокентий с сожалением отвел взгляд в сторону и не сдвинулся с места.

«Дела! – расстроилась Елизавета. – Мои акции действительно упали! Обвал на нью-йоркской бирже! Я перестала интересоваться мужчинами! Вот так незаметно выходят в тираж. Сейчас съем пять пирожков, потом повешусь».

Лиза выбралась из метро и направилась к киоску.

– Брысь! – сказал Макс Саше, оттесняя девушку от стола. – Невозможно пробиться к компьютеру! Брысь!

Саша, репортер отдела светской жизни, вяло сползла с кожаного кресла «Командор», уступая место решительному Колотову.

– Какой ты мокрый, – удивилась она. – Куртку можно выжимать. Чем ты занимался под проливным дождем?

Максим удобно разместился на освобожденной территории, достал из кармана блокнот, взглянул на экран компьютера.

– Так. В «тетрисе», я смотрю, ты добилась значительных успехов. Десять раз записалась на Доску почета.

– Стараюсь, – скромно заметила Саша, устраивая ноги в американской манере на соседнем столе. Ноги у Саши были стройные и рельефные, мордашка славная, талия тонкая, возраст юный, глаза всегда удивленные, грудь не по фигуре внушительная, и весь этот арсенал очень помогал ей в работе со знаменитостями мужского пола и в общении с главным редактором газеты «Выстрел в упор». Знаменитости охотно давали Саше интервью и предлагали сходить в ресторан, а главный редактор прощал ей недостаточную образованность, лень и корявый стиль. – Ты принес в клюве очередную сенсацию?

– Сенсацию не сенсацию, но банкира прихлопнули, и я должен отреагировать.

– Какого банкира? Я его знаю?

– Банк «Гарант». Глеб Батурский.

– А... Я его знаю, – заторможенно произнесла Саша, разглядывая свои руки. Лак на ее ногтях был сливово-черного цвета. Известие о гибели банкира не произвело на нее никакого впечатления. – Видный мужик. Я с ним встречалась на какой-то презентации. А кто его прихлопнул?

– Очевидно, заказное убийство. – Максим быстро щелкал клавишами. – Убери, пожалуйста, ноги со стола.

– Волнуешься?

– Отнюдь.

Год назад, когда Саша появилась со своими ногами и грудью в редакции, Макс Колотов на минуту онемел, потом сделал стойку и взял след. Он был первым сотрудником газеты, который выяснил, что в постели Александра так же ленива,

как и в работе. Служебная интрижка длилась пять дней, и теперь Максим испытывал к девушке здоровое чувство братской привязанности, не более. Текст информационной заметки, который появлялся на экране компьютера вслед за ударами его пальцев по клавиатуре, волновал Колотова гораздо больше, чем органы Сашиного тела.

– Ну-ка, быстренько встала, размялась! Включи чайник и сделай мне кофе, потом сгоняй в архив, возьми дискету с банкирами, по дороге загляни к Паше, спроси, есть ли у него место в номере на восемьдесят – сто строк, у девочек в отделе культуры – печенье с орешками, я знаю, у них есть, скажи, что для меня, у Ларисы Ивановны возьми два номера вчерашней газеты, она должна была оставить. На все тебе пять минут. Шевели лапами, лентяйка!

– Ты вот так с ходу настучишь сто строк? – изумилась Саша. – Я бы всю ночь мучилась.

– Не забывай, девочка моя, о разнице в возрасте да и в уровне талантливости. Ты юнга на корабле, на котором я уже избороздил семь морей. Смотри, вникай, учись у дедушки Колотова. Ты все еще здесь?

Саша покорно, но неторопливо выползла из кабинета.

Андрей Пряжников не знал, что, когда он отправился к месту преступления на своем автомобиле, за ним тенью (быстро поймав машину) двигался неутомимый журналист Колотов. В банке «Гарант», предусмотрительно стараясь не попадаться на глаза другу, который допрашивал свидетелей, Макс развил лихорадочную деятельность, в результате чего вытряс из работников банка едва не больше информации, чем это удалось Пряжникову.

Вернулась Саша с дискетой, газетами и пустой коробкой из-под арахисового печенья.

– Знаешь, тут было всего две штучки, – вяло произнесла она, – я их съела по дороге. Ты ведь не обидишься? Нет? Сейчас налью тебе кофе.

– Как ты могла! – возмутился Колотов со слезами в голосе. – Я так рассчитывал на это печенье!

– Подожди, не плачь! – оживилась Саша. Она сунула руку в ящик стола и достала из-под вороха бумаг кусок шоколада, завернутый в фольгу. – Вот, нашла! Я так и не рассказала тебе про Батурского. Меня, значит, с ним познакомили на какой-то презентации. Я стояла с тарелкой в руке и жрала салат, а он в это время поражал присутствующих своей щедростью. Сделал крупный взнос в какой-то детский фонд. Ради чего весь пикник и был устроен, чтобы скосить денег на благородные цели. Батурский отличился, елы-палы, дал больше всех. Ну я пошла брать интервью – мол, так и так, цепенею от восторга, бью копытом, вы всегда такой щедрый и добрый или только по воскресеньям? А на локте у Батурского висела девица, при одном взгляде на которую можно смело отправлять в «секонд-хенд» всех современных голливудских суперстар. Честно. Я даже немного покомплексовала, да. Она на меня так посмотрела, как на пенсионерку в Сбербанке, я все придуманные вопросы забыла. Ну и плюнула на злосчастное интервью, тем более что Батурский попросил особо не афишировать его героический поступок. Я отъехала к корзинкам с мармеладом, заесть горечь поражения, а в той области случайно пасса Шура Медведев из «Агрегата любви». Он слопал уже семь корзинок к моему приходу и не собирался останавливаться на достигнутом. Я пожаловалась ему, что кинозвезда по левому борту от банкира Батурского сорвала мне интервью, не дала, зараза, установить контакт с объектом. А Шура меня успокоил, что эта ходячая фантастика – обыкновенная шлюха с твердым преискурантом. Зовут ее Вероника. И странно, что солидный и серьезный мужик Батурский появляется в общественном месте слившись воедино с компрометирующей его дамочкой. Любил бы ее тайно, и всем было бы до лампочки. А так все удивляются и показывают пальцем. Интересно?

– Интересно, – согласился Максим. – Спасибо.

Он допечатал последний абзац, удовлетворенно пробежал глазами набранный текст и включил принтер.

Глава 4

Интуиция подсказывала Андрею, что ему не удастся застать Алену Дмитриеву в ее квартире. Так оно и оказалось. Скромное жилище одинокой девушки носило следы недавнего пребывания здесь владелицы, но пустовало.

Обстановкой являлись книжные полки, уставленные словарями и учебниками русского языка и книгами русских классиков, шаткая тахта под клетчатым пледом, поцарапанный письменный стол, шкаф и старинный телевизор «Электрон» в корпусе из полированного дерева.

Валера Тимофеев, собрав две тонны разнообразных впечатлений, тут же отправился в лабораторию. Андрей оглядывал пустую квартиру, представляя себя ее двадцатичетырехлетней хозяйкой и пытаясь вникнуть, что могло толкнуть молодую девушку на убийство. Роль Алены Дмитриевой не шла детективу: мешали мускулы и другие физиологические отличия.

Секретарша Лиза скептически оценила внешность Алены, но, по мнению детектива, она была довольно миловидной: Андрей нашел альбом с фотографиями и тщательно его изучил. С фотоснимков смотрела бледная, серьезная девица с пепельными волосами, расчесанными на прямой пробор и заплетенными в толстую косу. Единственным недостатком ее неулыбчивого лица являлся нос. «Но и это в принципе не страшно», – резюмировал Андрей, поместив Алену в номинацию «умеренно хорошенькие женщины».

Разбор достоинств незнакомой девы вызвал в его памяти образ другой девушки, бесконечно милой сердцу. Катерина. Андрей глубоко вздохнул, поднялся с тахты и продолжил осмотр квартиры.

Гардероб Алены удивлял разнообразием. В платяном шкафу болтались на плечиках несколько неинтересных и немодных блузок, мешковатый синий пиджак, платья с воротниками из вязаных кружев и рядом – нечто очень дорогое и изысканное: кашемировая накидка, зеленый костюм из шелковой тафты, вечернее платье... Из ящика письменного стола детектив извлек стопку разрозненных листов, исписанных мелким круглым почерком. «Похоже на дневник».

Резко зазвонил телефон. Андрей с интересом поднял трубку.

– Здравствуйте, это из шейпинг-клуба «Гармония», – вежливо сказали ему, – пожалуйста, пригласите Алену.

– Ее сейчас нет, – не менее вежливо отозвался Андрей.

– Вы родственник Алены?

– С сегодняшнего дня я ее самый близкий человек, – честно ответил сыщик.

– Тогда вы, наверное, в курсе, почему Алена не приходит в клуб? Она записалась, истратила деньги и пропустила уже три занятия. Это не рационально.

– Действительно, – согласился Андрей. – Когда она записалась, девушка?

– Двадцать четвертого сентября. А сегодня уже второе октября. Передайте, пожалуйста, что мы с нетерпением ждем Алену в нашем клубе.

– Обязательно передам, как только увижу ее. «Вопрос – когда?» – усмехнулся Андрей, положив трубку.

Но телефон зазвонил вновь. Теперь это оказался Валера.

– Старик, чудовищные новости!

– Да?

– Во-первых, точно, на пистолете отпечатки нашей прекрасной незнакомки Дмитриевой. Откуда она выкопала этот бесхозный пистолет, мы конечно же узнать не в состоянии. И еще на нем, естественно, отпечатки самого Батурского. Но это не самое главное... Понимаешь?

– Не тани.

– Самое главное, что на этом же пистолете висит еще один безмерно привлекательный и не совсем остывший труп. Некая Вероника Соболева, одна тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, сотрудница агентства «Деловой вояж». Она была застрелена вчера в своей квартире из этого же пистолета. В промежутке с девяти до одиннадцати часов утра. Красотка! Спасибо морозильной камере. Приезжай, полюбуешься.

– Хорошо. Только заеду на несколько минут в одно место.

Удостоверение Андрея и вопрос «Где ваша сестра?» повергли молодую симпатичную женщину Ирину, увешанную гирляндой из трех младенцев, двух попугаев, овчарки и полосатого котенка, в состояние тихой паники. Самый крошечный ребенок (от силы трех месяцев) тут же заподозрил неладное и крайне настойчиво принялся орать.

Едва Андрей устроился на предложенном обеспокоенной хозяйкой стуле, на него начали взползать, с одной стороны, котенок, с другой – двухлетняя кудрявая девочка. Попугаи летали по комнате и тархтели, словно подбитые «мессершмитты». Овчарка дружелюбно лаяла. Из ванной неслись звуки включенной стиральной машины, на кухне шипело раскаленное масло, за стеной вопил телевизор.

– У вас тут оживленно, – наблюдательно заметил детектив. – Куда же вы все-таки дели свою сестру?

К этому моменту Андрей располагал целым ворохом фактов из обычной, ничем не примечательной биографии Алены Дмитриевой, но ни один из них не объяснял, каким образом порядочная во всех отношениях Алена, простая, замкнутая девушка, по образованию – преподаватель русского языка и литературы, последние полтора года – кассир банка «Гарант», могла решиться на двойное убийство. И зачем ей это было нужно?

Взволнованная Ирина быстро сунула в руки Андрею упругий сверток и со словами «Я сейчас, мне надо выключить!» исчезла на кухне. Сыщик с безграничным ужасом уставился на ребенка. Сильные и обычно умелые руки Андрея вмиг перестали сгибаться в локтях и кистевых суставах. Младенец уже не кричал. Он с интересом наблюдал за детективом, временно исполняющим роль мамы, настороженными мутно-голубыми глазками. Под тонкой пленкой что-то шевельнулось, и Андрей с тихим отчаянием подумал, что, должно быть, он придавил крошке какой-нибудь жизненно важный орган. К облегчению сыщика, с кухни возвратилась преступная мать, бросившая дитя в ненадежных, хотя и огромных лапах незнакомого человека.

– Но я совсем ничего не понимаю! – воскликнула она. – Алена в командировке! Уехала второго сентября! Неужели с ней могло случиться что-то плохое?!

– Ваша сестра разыскивается по подозрению в убийстве Глеба Батурского и Вероники Соболевой, если эти имена вам о чем-то говорят, – деликатно успокоил женщину Андрей.

Ирина в бесконечном изумлении стиснула на груди малыша, который принялся восторженно пыхтеть. Изумрудно-малиновый попугай с натугой преодолел расстояние до Андрея и попытался десантироваться на его голову.

– Значит, со второго сентября вы ее не видели?

– Нет же, нет! Она уехала в командировку.

– Скажите, Ирина, какие могут быть командировки у человека, работающего кассиром в банке?

– А она разве работает кассиром? Ах да... Я совсем забыла. Ведь она ушла из школы, там не платили зарплату.

– Полтора года назад, – вставил Андрей, уже более осведомленный о делах Алены Дмитриевой, чем ее сестра.

– Да, – уныло ответила Ирина. – Я такая замотанная, ничего не помню... И мы редко видимся с Аленкой... О, какое горе! Как же такое могло случиться? Алена, она такая спокойная, рассудительная! У меня пропадет молоко от переживаний, чем я буду кормить малыша!

– Молочной смесью, не расстраивайтесь так, – подбодрил сыщик, демонстрируя поразительную подкованность в вопросах вскармливания грудничков.

– Так это денег стоит! Бедная Аленка! Где она сейчас...

Дальнейший разговор в условиях, максимально приближенных к фронтовым, не принес Андрею Пряжникову удовлетворения. Алена Дмитриева, несомненно, мало посвящала сестру в подробности личной жизни, не надеясь вклинить со своими проблемами в плотную сетку ее домашних забот.

В заключение невнятного и сумбурного диалога разочарованный, ошалевший от гама детектив показал несчастной Ирине страничку из Алениного дневника.

– Да, это ее почерк! – воскликнула женщина.

«Слава богу, хоть что-то она знает», – подумал Андрей.

– Что же мне теперь делать? – со слезами в голосе спросила Ирина. – Где искать Алену?

Андрей уже стоял на пороге.

– Нигде не искать. Сами найдем.

Последняя фраза прозвучала, однако, не очень убедительно.

Младенца удалось нейтрализовать только к двум часам ночи. Дитя пыхтело, возилось, стонало, вякало, вертелось, теряло соску, чихало, вскрикивало, кряхтело, скрипело – в общем, мешало жить. Когда малыш наконец-то уснул, измученная Ирина рухнула в кровать и уткнулась в подушку. Надо было использовать редкую возможность, предоставленную детьми, и поспать часа три, но мысли о сестре не давали уснуть.

Алена кого-то убила? Какая нелепость. Пряжников, возникший на пороге дома, вогнал последний гвоздь в Иру, распятую на кресте бесконечных домашних забот и неразрешимых проблем.

Старший ребенок упорно не желал учиться. Машу третий день преследовал понос. Карапуз страдал от диатеза. Котенок подцепил глисты. Овчарка подралась во дворе. Муж работал в две смены, но не получал зарплату. Нехватка денег, необходимость экономить, выкраивать, высчитывать изматывали больше, чем ночной детский крик. Почему еще должно было случиться какое-то несчастье с Аленой, единственным родным Ирине человеком, кроме детей и мужа?

«Это ошибка, ошибка, – повторяла про себя Ирина. Как могла Алена кого-то убить! А вдруг могла?» Ира села на кровати. Откуда ей знать, могла или нет, если ни на один вопрос Пряжникова она не нашла внятного ответа. Она даже не помнит, как называется банк, в котором работает сестра, она не знает, есть ли у Алены парень, она не сможет назвать имя ни одной из ее подруг. Если разобраться, она ничего не знает о своей сестре, хотя между ними всегда были очень теплые отношения.

«Какая же я черствая! – терзалась Ира. – Алена – ребенок. Такая непрактичная, стеснительная, несовременная. Ее любой обведет вокруг пальца. В какую жуткую историю ее втащили? Если даже с ней что-то и произошло, она ни в чем не виновата. Как мало я думала о ней. О моей сестричке-глупышке. Боже, скоро я проснусь, и все пойдет своим чередом: мокрые пеленки, рваные колготки, подгоревшая картошка. И Алена вернется из командировки, в которую ее отправили, ведь сказала же она мне в начале месяца, что уезжает в командировку и все будет хорошо. А этот парень с его ужасным известием мне приснился. Его не было. Не было...»

Требовательный вопль младенца вырвал Ирину из мягких лап надвигающегося сна. Она ринулась к кроватке, надеясь заткнуть ребенка соской прежде, чем он разбудит весь дом. Малыш не желал брать соску, он, различив при свете ночника материнское лицо, жаждал общения, радостно хрюкал и повизгивал.

Ирина вздохнула. Нет, Пряжников ей не приснился. Бессонная ночь плавно перейдет в утро, наполненное нервной суетой и нескончаемыми хлопотами. Только обычная нервозность теперь, кроме усталости, будет подпитываться страхом за Алену.

Глава 5

Ольга сидела в шезлонге у края бассейна. Бассейн в форме почки, наполненный прозрачной голубой водой, а также роскошный трехэтажный особняк с террасами принадлежали немецкому другу Романа Шухова – Алексу, владельцу фирмы «Шеппург».

Алекс, в советскую бытность Алексей Шепарев, восемь лет назад (в 1989-м) эмигрировал в Германию, имея в багаже диплом только что оконченного Московского авиационного института, скромную, безоглядно влюбленную в него двадцатилетнюю жену-немку и огромную страсть к финансовому комбинированию. Аккуратная и порядочная до оскомины Роза, которую Алексей использовал в качестве проездного талона по маршруту Россия – Германия, была жестоко брошена через два месяца после успешного воссоединения с немецкими родственниками. Вчерашний студент, ас фарцовки и спекуляции, герр Шепарев без труда присовокупил к своему беглому английскому грамотный и четкоартикулированный немецкий язык, купил маленький компьютер и начал торговлю советскими рабынями. Торговал он ими талантливо – рекомендовал бюргерским семействам русских женщин, которые правдами и не правдами, по приглашениям дальних родственников вырывались в Германию, чтобы тяжелым трудом заработать на старую иномарку, пестрые шмотки и два года обеспеченной жизни. Русские женщины из страны-победительницы варили борщи, лепили пельмени и жарили блины. Рекламаций не поступало, бюргеры трескали вкуснятину, труженицы возвращались домой на потрепанных «фольксвагенах». Алексей заработал скромный первоначальный капитал. Это было его первым шагом по длинной лестнице с крутыми ступенями – каждая освоенная ступень прибавляла новые тысячи марок на его счетах. Через восемь лет он владел несколькими заводами в разных городах Германии, сетью фирм и фирмочек и считался очень удачливым и неординарно мыслящим бизнесменом. Оригинальность мышления Алексея Шепарева проявлялась в основном в его удивительной сговорчивости. Там, где маниакально жадные немцы зубами вырывали у деловых партнеров сотые доли процента, Алексей легко, не торгуясь, уступал бизнес-коллегам по-королевски щедрое три процента прибыли и уводил из-под носа конкурентов выгодный контракт.

Сейчас он отдыхал в своем загородном доме, пригласив на шашлык старинного друга Романа Шухова и его девушку Ольгу.

Убийственные ароматы, эпицентром которых являлся мангал, установленный на лужайке леса, терзали обоняние. Лес, окружавший дом, тоже был собственностью господина Шепарева. Потрескивали угли, и золотистые капли жира с шипением взрывались, падая с шампуров. Огромный, гладкий и краснокожий Роман шинковал зелень на длинном деревянном столе, где уже были приготовлены сопутствующие шашлыку аксессуары: благородное красное вино, помидоры, огурчики и прочая снедь. Алексей орудовал у мангала, контролируя готовность мяса.

Оля с дикой ненавистью смотрела в синие воды бассейна. Там шумно плескалась восьмьсот пятая подруга Алексея – семнадцатилетняя итальянка Дебора. Она была топлесс, и этот неприятный факт ужасно злил Ольгу. Сама Оля беззастенчиво скинула бы не только верхнюю, но и нижнюю деталь купальника и нырнула бы в бассейн в ослепляющей наготы. Но она плела матримониальные сети вокруг своего драгоценного Романа, и неизвестно было, понравится ли ему такое нескромное поведение будущей супруги. Поэтому идиотка Дебора поднимала волны в резервуаре своим упругим третьим номером, выскакивала на шашлычную лужайку в одних мокрых плавках – «ой, дайте попробовать, дайте попробовать, еще не готово?!» – под одобрительными взглядами Алексея и Ромы, а удручающе приличная Оля жарилась в супермодном закрытом купальничке от Домани так, словно ее тело имело дефекты и было недостойно восхищенного мужского внимания.

– Ольга, *per favore*, купаться! *Perche*, почему не хотеть купаться? *Aqua e buona*, вода хороший!

Бассейн подогревался.

– Мерзкая русалка, – зло прошептала Оля и лучезарно улыбнулась. – Не хочется, *non voglio fare*!

– Девочки! Шашлык готов! – донесся голос Алексея.

Ольга накинула короткий халат и отправилась на лужайку. У аппетитного стола девушек ждали мужчины, их взгляды были направлены сквозь Ольгу, к бассейну. Она обернулась.

Итальянская зараза теперь уже совсем оголилась, капельки воды сверкали на загорелом теле и его маленьких светлых треугольниках. Юная бесстыдница направилась к столу, неторопливо натягивая на плечи шелковый халатик – ценой некоторого усилия ей удалось запутаться в рукавах, и благодарные зрители смогли рассмотреть все подробности ее чудесной фигуры.

Оля вежливо улыбнулась, но совместила улыбку с зубовым скрежетом и поэтому больно прикусила щеку.

Лекция «Компьютерные технологии и проблема персонификации в сфере маркетинга» не поддавалась конспектированию. Экспансивный преподаватель с мексиканской страстностью швырял в аудиторию заумные тезисы, метался от видеомagneтофона к проекционному аппарату, сыпал загадочными формулировками.

Через полчаса мучений Сапфира отодвинула тетрадь в сторону.

– Я больше не могу! – возмутилась она шепотом. – Рука онемела!

– Надо писать, – возразила Ксения. – Он ведь будет проверять конспекты.

– Конечно будет, упыреныш маркетинговый, но у меня больше нет сил. Я вымотана.

– Ладно, потом спишешь у меня.

– Да бросай ты это занятие. Обойдемся.

– Не обойдемся. Мы ведь платим институту деньги – надо брать все знания, какие дают.

– Какая ты нудная, Ксюша. Одна лекция – не страшно, можно и пропустить. Лучше посмотри на Стручкова. Он сегодня элегантен, как Останкинская башня.

Ксения повернула голову в сторону Егора, ее быстрый взгляд должен был ласково коснуться милого затылка, пробежать по плечам, обтянутым темно-зеленой тканью дорогого пиджака, мечтательно нырнуть за воротник к горячей крепкой шее с терпким запахом мускуса, но наткнулся на другой взгляд – Зоей Менгер.

Зося смотрела на стручковскую шею с не меньшим вожделением, ее тоже влекла загорелая полоска кожи между линией стриженных волос и белым воротником рубашки.

– Вот-вот, я о том и говорю, – коброй зашипела Сапфира. Она тоже заметила глаза Зоей, пылающие огнем неудовлетворенности. – Пялится, мымра.

Покушается на нашего Стручка. Она и вечеринку устраивает только ради него, плетет паутину, точит копы, смазывает револьвер. Но, Ксения, даже и не беспокойся на этот счет. Она с тобой не сравнится. Ты прикупила платьишко?

– Ничего я не купила, – угрюмо шепнула Ксения. – У меня бедственное финансовое положение.

– Время терпит. Преодолевай финансовый кризис и постарайся к вечеринке быть во всеоружии.

– Легко тебе говорить...

– Чего не сделает женщина ради любимого мужчины. Не представляю, Ксюша, совсем негде взять денег?

– Совсем. Тебе этого не понять.

– Действительно. Ты на меня не обижайся. Слушай, может, наденешь что-нибудь из моего гардероба, а?

– Конечно! Все твои платья уже известны публике.

– Сто процентов, Стручок не въедет, что ты в моем платье. Ксюша, давай, помнишь то, красное, о, тебе подойдет!

– Глупости! Стручок не въедет, но все остальные-то поймут! Особенно Зося Менгер. Вот будет разговоров.

– Да. Ты права. Я не подумала. Знаешь, я бы раскрутила папашку еще на одно валютное вливание, но он, после того как я исторгла из него две тысячи на свой наряд, совершенно непоколебим...

– Милые дамы, – некстати встрял в девичий диалог Бронеслав Аскольдович, преподаватель, – если я сейчас заберусь на стол и начну танцевать «макарену», это привлечет ко мне ваше внимание?

Ксения и Сапфира слегка покраснели и уткнулись в тетради.

– Ну-ка, Губкина Ксения, ответьте мне, чем характеризуется олигополистический рынок?

– Рынок, на котором, с одной стороны, наблюдается ограниченное количество продавцов, чувствительных к ценообразовательной и маркетинговой политике друг друга, а с другой стороны – большое количество покупателей, – тихо, но уверенно ответила Ксюша, поднимая на Бронеслава Аскольдовича прозрачные голубые глаза.

– Отлично, – кивнул глубоко удовлетворенный препод. – А приведите мне примеры, когда цена товара рассчитывается независимо от издержек продавца.

– Например: установление цены на основе закрытых торгов, на основе ощущаемой ценности товара или на основе уровня текущих цен.

– Отлично. А что такое дифференцированный маркетинг?

– Выступление в нескольких сегментах рынка с разработкой отдельного предложения для каждого из них, – без запинки оттарабанила Ксения.

– Отлично, Ксюша. Я вижу, вы, как Цезарь, успеваете многое – и слушать мою лекцию, и обсуждать с подружкой какие-то проблемы.

Ксения смутилась.

– Ах, Бронеслав Аскольдович, – громко и весело вмешалась Сапфира, строя преподавателю глазки, зеленые и нагловатые, – единственная проблема, которая может нас волновать, – это проблема персонификации. Именно ее мы и обсуждали.

– Тогда у меня к вам никаких претензий. Искренне прошу меня извинить.

Бронеслав Аскольдович повернулся к очередному графику, собираясь продолжить лекцию, но Сапфира не унималась:

– Ах, Бронеслав Аскольдович, а как же «макарена»? Мы ведь теперь всей нашей группой будем мечтать о том, чтобы вы станцевали нам «макарену». Я готова ассистировать.

– Хорошо, Сапфира, в следующий раз. Итак, на чем мы остановились...

В перерыве между парами Сапфира выговаривала Ксюше:

– Как можно быть такой незаметной? Ты не серая мышка, ты пятизвездочная красотка, почему же ты боишься привлечь к себе внимание? Когда ты последний раз смотрела на себя в зеркало? Где ты еще видела такую красоту? И все пропадает зря из-за твоей дурацкой закомплексованности. Как ты ответила на вопрос Брони? Бу-бу-бу, бу-бу-бу. Половину слов не разобрать, глаза в кучку. Быстренько оттараторила, лишь бы не привлечь к себе внимание. С такими-то знаниями! С такой внешностью! Когда ты перестанешь быть скромницей? Учю тебя, учу.

– Я стесняюсь, – расстроено прошептала Ксения.

– Нет, ты не стесняешься, – сурово сказала Сапфира. – Ты хуже. Ты считаешь себя человеком второго сорта. Отсюда все проблемы. Как ты глубоко заблуждаешься! Но все можно исправить, если ты будешь внимательно слушать свою Сапфирочку. Тренируйся подавать себя как кремовое пирожное, как вкусный десерт, которого все ждут с трепетом и затаенным восторгом. Ты что думаешь, все вокруг только и мечтают поймать тебя на какой-нибудь ошибке, закопать в землю и проутюжить сверху бульдозером? Ерунда! Люди надеются, ты им подскажешь, как тебя воспринимать и во сколько оценивать.

– Да уж.

– Точно! Пока ты будешь строить из себя женщину-загадку, надеясь, что мужчина докопается до твоих скрытых достоинств, Зоя Менгер нацепит перья, положит грудь и бедра на блюдечко и преподнесет все это счастье Стручкову. Вон, кстати, он ползет и треплется по своему сотовому. Давай поговори с ним!

– Боюсь!

– Надо, Ксюша! Он не узнает, какая ты чудесная, если не будет с тобой общаться. Эй, Стручок, включай первую передачу и левый поворот. У Ксении к тебе есть парочка вопросов.

Егор послушно развернулся в сторону девушек.

– Ладно, Иннокентий, встретимся, – сказал он в трубку, – меня тут девочки зовут. Что? Да, симпатичные. Чао!

Ксения, полумертвая от страха, заторможенно следила, как необыкновенно прекрасный Стручков укладывает черную пластинку сотового телефона во внутренний карман пиджака.

Сапфира с сожалением взглянула на подругу, понимая, что та сейчас не в состоянии начать непринужденную светскую беседу, и взяла ситуацию под контроль.

– Так, Стручок, быстро сообщил нам все, что ты думаешь о «шkode-фелиции». Ксения интересуется этой маркой. И вообще, когда ты познакомишь меня со своим другом Иннокентием?..

Глава 6

Андрей шарил тоскливым взглядом по окнам панельной пятиэтажки. Где-то здесь должен был скрываться Свидетель, стопроцентный Свидетель с глазами, подобными фотокамере «Самсунг» – четырехкратное увеличение, ушами-локаторами и аллергией к вольному фантазированию. Или два свидетеля попроще – один с глазами, другой с локаторами. Или десять свидетелей-поганок, связывающих следствие крылья своей невнятной противоречивой жвачкой, поющих вразнобой, как сводный хор пациентов психбольницы. Или...

Из окна первого этажа (потолок этой квартиры был полом для апартаментов убитой позавчера Вероники Соболевой) на Андрея внимательно и строго смотрела дама. «Она!» – взволнованно подумал Пряжников, холодея от смутного предчувствия удачи. Сыщик моментально восстановил в памяти список жильцов,

который раздобыл для него верный помощник Валера Тимофеев, и вспомнил, что женщину из пятидесят первой квартиры зовут Лидией Павловной Мотыгиной, пятьдесят семь лет, пенсионерка, в прошлом – замдиректора центра научно-технической информации.

Дама открыла дверь и без опаски впустила нежно улыбающегося визитера в дом. В руке она держала книгу известной детективистки, используя указательный палец в качестве закладки.

– Здравствуйте, – как можно обаятельнее сказал Андрей. При его внешности это не составляло труда.

– Здравствуйте, – ответила Лидия Павловна. – Она действительно являлась дамой: прямая, спокойная, элегантно (в половине девятого утра!) одетая. – Несмотря на постбальзаковский возраст, язык не поворачивался назвать ее «бабушкой», она излучала достоинство и значительность. – Вы следовательно, – определила она.

– Ну почти, – согласился Андрей, – из той же оперы. Вот мои документы... Нравится книга? – для затравки спросил сыщик, пытаясь спровоцировать непринужденную беседу.

– Не нравится, – отрезала женщина. – Пройдемте в комнату.

Комната свидетельствовала о том, что ее хозяйка заражена «синдромом Плюшкина» – неспособностью расставаться с ненужными вещами. Стопки пожелтевших газет подпирали потолок, банки из-под колы служили вазочками для истлевших роз, громоздились всевозможные коробки и коробочки... К радости Андрея, Лидия Павловна и свои впечатления собирала и хранила в памяти так же бережно, как оторванные пуговицы и журналы семьдесят шестого года.

Талантливой кистью, сочной палитрой, жирными мазками нарисовала Лидия Павловна портрет Вероники Соболевой, своей соседки, попирая время от времени (в угоду истине) старый принцип «о мертвых ничего, кроме хорошего». Андрей, который видел эту красивую двадцатипятилетнюю девушку уже зеленовато-ледяной, как фисташковое мороженое, к концу повествования трепетал от возбуждения. Благодаря несомненной литературной одаренности

Лидии Павловны Вероника – роковая соблазнительница, черная пантера, готовая к прыжку, зеленоглазая пожирательница мужчин, коварная искушительница, неистовая богиня Эроса с манерами утонченной леди – зримо витала в воздухе, обнимала сыщика невесомыми жаркими руками и дышала ему в лицо горячо и страстно.

Андрей вытер пот со лба, поправил на бедрах цветастый платок, потрянул монистами и, профессиональная гадалка, раскинул перед собеседницей карточный пасьянс – фотографии девушек. Его коллекция впечатляла разнообразием – брюнетки, блондинки, Афродиты и откровенные дикобразы, а из правого верхнего угла серьезно и грустно смотрела бубновая дама – Алена Дмитриева.

– Да, кажется, она здесь была первого октября, – сказала Лидия Павловна, постукивая пальцем по Алениной переносице.

– Кажется?

Лидия Павловна пригляделась:

– Ну, живьем она гораздо привлекательней. Должно быть, нефотогенична. Я еще подумала: где же прядки?

– Прядки? – озадаченно уточнил Андрей.

– Да, прядки. Сейчас девушки если носят волосы на прямой пробор, то по бокам у них болтаются такие аккуратные, прилизанные прядки, обрамляющие лоб. А у этой девушки была элементарная коса.

– А не помните время? – вкрадчиво, с замиранием спросил Андрей.

– Конечно помню, – спокойно ответила дама. – В десять ноль три утра.

– Поразительная точность! Почему? – удивился сыщик, не веря такой удаче.

Лидия Павловна улыбнулась, и Андрей улыбнулся тоже, потому что услышал фразу, прозвучавшую в голове визави, но не произнесенную вслух:

«Элементарно, Ватсон!»

– Я вынесла мусор, и мусорный грузовик сразу же отъехал. Значит, было ровно десять – машина приезжает каждый вторник-четверг-субботу и стоит с половины десятого до десяти. Сегодня четверг, подождите немного, и вы сможете сами убедиться в пунктуальности водителя. Я поднялась к себе – две минуты, подошла к окну – одна минута – и увидела эту девушку. – Получается десять часов три минуты.

– Гениально!

– Но если вы спросите меня, слышала ли я выстрел, здесь я помочь не в состоянии. Меня об этом уже несколько раз спрашивали. Увы! Мальчик из квартиры слева – у нас общая стена, общие электрические розетки, короче, общая жизнь – заядлый меломан. У Васи, как всегда, орала музыка, и мне приходилось подпевать, конечно.

– И что вы пели в тот момент?

– Что-то пела. Ну, Андрей, вы хотите от меня невозможного!

– Верю в ваши силы. – Да... Я увидела эту девушку, такую несчастную, бледную... Но, знаете, какую-то очень решительную. – И подумала, что ее зовут Оля. Точно, я подумала, что ее зовут Оля. Почему? Странно. Накрапывал дождик. – Да, дождик моросил, а она была без зонта. И словно плакала, но это был дождь, а не слезы... Вспомнила! Я пела: «Оле-оле, это только слезы! Оле-оле, их никак нельзя понять!» А как ее зовут на самом деле?

– Алена.

– Вот уж не подумала, что такая скромная, интеллигентная девушка сможет выстрелить в человека. Хотя... Она выглядела очень расстроенной...

На этом беседа, более плодотворная, нежели вчерашний обоюдоизматывающий разговор с Ириной, закончилась.

Андрей с секундомером в руке наблюдал приезд передвижной мусорки – и действительно, машина простояла во дворе ровно полчаса – с девяти тридцати до десяти.

Бар «Моника», в котором сидел мрачный Вячеслав Матвеевич, неторопливо поглощая легкий коктейль и пристально изучая сводки с фондовых бирж в немецкой газете «Ман унд Гельд», был чрезвычайно дорогим заведением – это отпугивало от него случайные малоденежные, но шумные компании. А внешняя неброскость и аскетичность обстановки ограждали от удалых и громогласных купцов, способных оплатить здесь счет, но не способных оценить уровень полета. В результате «Монику» посещала очень обеспеченная и очень сдержанная публика, типа президента «Ойлэкспорт интернешнл». Бар славился в кругу знатоков тишиной, изысканной картой вин и высокограмотным сомелье.

Виола Батурская возникла в дверях «Моники» неожиданно для Вячеслава Матвеевича. Хотя он сам пригласил ее на свидание и ждал уже целый час, но, как всегда, появление Виолы заставило сердце Куницына биться быстрее, а газетная простыня, испещренная мелкими цифрами и исчерченная графиками, дрогнула в его руках.

Вячеслав Матвеевич три минуты поработал Штирлицем – он поедал глазами чудесное светлое лицо Виолы, так, как это делал штандартенфюрер СС на безмолвной встрече с женой в ресторанчике «Элефант», – прежде чем привлечь к себе внимание.

Виола увидела Куницына и улыбнулась – радостно и скорбно одновременно. Вячеслав Матвеевич перебазировался со своим коктейлем за ее столик.

– О, как это я тебя не заметила, Слава? Извини, я опоздала, – удрученно покачала головой Виола. – Колесо спустило.

– И ты сама его меняла?

– Конечно не сама. Представь меня с домкратом.

– Не представляю.

Вячеслав Матвеевич взял нежную руку Виолы и, потеснив губами прозрачный шифоновый рукав, поцеловал запястье.

– Просто остановила автомобиль и три минуты взидала на проколотое колесо в беспомощной растерянности.

– И скольких пламенных идадьго поработила твоя несовместимость с домкратом и гаечным ключом?

– Четыре типа сразу вызвались помочь. Среди прочих – советник французского посольства.

– Ему ты и доверила колесо?

– Нет, я выбрала двадцатилетнего зеленоглазого юношу, а советнику и двум другим неудачникам пришлось со вздохами удалиться, и...

– И?

– Слава... Глеб мертв!

Вячеслав Матвеевич вернул Виоле ее руку, которую он трепетно удерживал в своей ладони на протяжении всего диалога, и хмуро уставился в пустой бокал. Глеб мертв, и осознание этого жуткого факта являлось трагическим фоном их якобы непринужденной беседы.

– Что теперь? Как? – тревожно говорила Виола, заглядывая в потемневшие глаза Куницына. – Так внезапно... Мне позвонили... И ведь... Официально я все еще была женой Глеба... До его смерти... Теперь похороны... Я не знаю, не знаю, как это устраивать!

Панический блеск в глазах собеседницы и угроза надвигающейся женской истерики не испугали мужественного президента «Ойлэкспорта». Перед лицом грядущих похорон Виола была так же беспомощна, как и в случае с проколотой шиной, и жаждала покровительства. Вячеслав Матвеевич был готов выступить в роли защитника и утешителя.

– Не думай ни о чем, не волнуйся. Я обо всем позабочусь. Ты официально все еще была женой Глеба, хотя вы и не жили вместе. А я – официально – все еще его верный друг.

– Почему «официально», Слава? – удивилась Виола. – Ты действительно его единственный и настоящий друг.

– Да, – кивнул Куницын с горькой усмешкой. – И теперь таковым останусь навсегда. Из-за смерти Глеба. Чтобы сохранить дружбу, одному из нас нужно было умереть.

– Я тебя не понимаю. Ты говоришь загадками, – вздохнула Виола. Ее душевные силы были подорваны осмыслением предстоящих жизненных изменений, и вникать в переживания Куницына она не могла.

Несчастливая вдова банкира достала из сумки зеркальце и придирчиво осмотрела лицо. Несмотря на расстроенные чувства, все ингредиенты внешности и макияжа оставались безупречными и в полной боевой готовности. Виола удовлетворенно захлопнула косметичку и поймала влюбленно-изучающий взгляд Куницына.

– Значит, ты все берешь на себя, Слава?

– Да. Беру.

– И мне ни о чем не волноваться?

– Да. Ни о чем.

– С тобой всегда так спокойно и надежно. Твои чувства ко мне еще не... не девальвировались? – улыбнулась Виола, взяв в руки «Ман унд Гельд». – О, какая скучная газета, сплошные цифры, цифры, цифры. И как ты ее читаешь? К тому же на немецком?

– Приходится.

– И Глеб тоже постоянно читал нечто подобное.

– Я знаю, что он читал.

– Да, Славочка, последнее время ты видел его чаще, чем я. И наши встречи, надо признать, не приносили радости ни мне, ни ему. Бог мой, Слава, буквально пару дней назад я так сильно разозлилась на Глеба, что нашла его рубашку и изрезала ее щипчиками для ногтей. Было непросто.

– Не представляю тебя в ярости. – Куницын смотрел на Виолу влюбленным взглядом, взглядом, в лучах которого женщина начинает сиять теплым светом, как золотой червонец.

– Да, изрезала. А сейчас... Все время думаю о том, что его нет, и не могу поверить. Только что он был жив. Куда все исчезло? Глаза, улыбка, голос – куда это все исчезло? Я не понимаю... Такая внезапная смерть.

– Смерть всегда внезапна, даже если ты сам спускаешь курок.

– Да...

Виола удрученно замолчала, но через секунду уже приободрилась и заговорила вновь:

– Как твой бизнес?

– Стабильно.

– Богатеешь день ото дня?

– Разумеется.

– Кстати, ты хотел меня видеть. Я совсем забыла спросить. Ты зачем-то хотел меня видеть?

– Подумал, что сейчас тебе нужна моя помощь.

– Милый! А почему не заехал прямо ко мне домой?

– Вчера вечером тебя не было дома.

Виола почему-то смутилась:

– Ах, точно. Я... Я была так расстроена... Слава, милый, я так привыкла всегда знать, что ты рядом, что ты в любую минуту готов поддержать меня. Я не представляю, как бы я без тебя...

Нежный взгляд Куницына обволакивал Виолу.

– А знаешь, что я сделаю? – обрадованно встрепенулась она. – Я подвезу тебя до офиса на своей машине. Согласен? Твой водитель пусть едет следом. Согласен, милый?

Куницын кивнул.

Муниципальная поликлиника, где у Алены Дмитриевой была карточка по месту жительства, словно только что перенесла разрушительное землетрясение. Стены в зазубринах и подтеках, неровный пол и скамейки с изрезанным дерматином, унылые группы людей – первые жертвы октябрьского гриппа, тусклый желтый свет голых ламп – все это угнетало.

Регистраторша беспрекословно выдала Андрею карточку, и сыщик вмиг убедился, что, кроме бедного гардероба и некоммуникабельного характера, других проблем у Алены Дмитриевой не было. Воспалением почек здесь так же не пахло, как жареным мясом в столовой для бедных. Медосмотр и флюорографию Алена проходила шесть месяцев назад и продемонстрировала отличные весо-ростовые показания, прекрасное состояние всевозможных слизистых оболочек, стопроцентное зрение и здоровые легкие. Неудовлетворенный, Андрей так и не понял, зачем девушке понадобилось исчезнуть с работы второго сентября якобы для лечения пиелонефрита.

Газета «Выстрел в упор» конечно же не обошла молчанием смерть банкира Глеба Батурского. Макс Колотов блистал осведомленностью и проницательностью, строил громоздкие предположения, кому было необходимо устранение Батурского, генерального директора банка «Гарант», тонко намекал, что ведется журналистское расследование, и в результате «выжал» из гибели банкира целых двести строк на первую полосу, а не сто, как собирался, хотя для информирования читателей вполне хватило бы и тридцати.

– А зачем было писать, что убийца неудачно попытался инсценировать самоубийство? – хмуро спросил Андрей. – И вообще, к чему такое многословие, все эти подробности?

– Не переживай, друг, – патетически вскричал Максим. – Информировать людей – моя святая обязанность. Я не могу скрывать от населения факты, которыми владею. Ну не плачь, Эндрю! Ведь не я же один превратил смерть банкира в источник гонорара – все газетчики уделили этому внимание.

– Другие меня не волнуют – я не знаю, откуда они берут информацию. Но ты меня разрабатываешь, как плодоносное месторождение, как бесперебойный источник секретных фактов, и тут же пускаешь их по рукам. Это непорядочно!

– Прости, друг! Я непорядочный тип. Но согласись, иногда моя болтливость тебе помогает. Вспомни случай с Катериной: свидетельница опознала преступника только потому, что читала газету «Выстрел в упор». Не сердись!

– Ладно, живи. На вот оцени по десятибалльной шкале. – Андрей достал фотографию Алены Дмитриевой и протянул ее Максиму.

– Кто она? – оживился Максим. – Главная подозреваемая? Или девочка, которая наконец-то удостоилась чести быть приглашенной в твою холостяцкую постель?

– Не скажу.

– Ну... Для убийцы Глеба Батурского – пойдет. Для кровати... Тоже пойдет. Семь баллов. Хоботок великоват, а так вполне ничего. Только необходимо истребить налет мышиности.

– Чего? – не понял Андрей.

– Невыразительная девочка. Бледная. Пресная. В целом, Эндрю, она хорошенькая. Глаза красивые, голубые. Васильковые. Когда ты меня с ней познакомишь?

– Не скоро, думаю. Твоя всеядность меня шокирует.

Андрей спрятал фотографию, с загадочным видом достал из своей кожаной папки ворох бумаг и торжествующе помахал ими.

– Что это? Что это? – засуетился Макс.

– Дамский дневник. Найден в квартире подозреваемой. Дневник Алены Дмитриевой, чьи отпечатки украшают пистолет, вынутый из рук мертвого Глеба Батурского, – коварно улыбнулся Андрей. Он знал, как можно отомстить Максиму за его несдержанность.

– Дай мне почитать! – завопил журналист, пытаясь уцепиться за бумаги, но Андрей ловко увернулся. – Милый Андрюшечка, пожалуйста! Не будь таким жестоким!

Сыщик был неумолим. Стенания заинтригованного Макса разбивались о гранитную стену. В конце концов, несчастный, с подорванным здоровьем, Максим был выдворен из квартиры, а Андрей комфортно устроился на диване, вооружившись двумя литрами кипятка и килограммом чайных пакетиков, и погрузился в чтение найденного дневника.

Разрозненные, перемешанные страницы могли заключать в себе ответ на вопрос, зачем Алене понадобилось убивать директора банка и Веронику Соболеву. Но кроме того, девичий дневник, хранилище разнообразных тайн и интимных описаний, представлял увлекательное чтение для аскета, который уже год, словно консервированный огурчик, мариновался в своей любви к определенной женщине (Катерине!), добровольно отгородившись от всевозможных соблазнов и общаясь с прекрасным полом только по служебной необходимости.

Дневник Алены. «...Конечно, говорит, что я должна согласиться. Ольга не знает, как страстно я хотела бы изменить свою жизнь, стать другой, такой же раскованной, общительной, веселой, красивой, как она, тогда и предложение ВМ я приняла бы без колебаний. Но даже если я сейчас внезапно изменюсь, на тридцать сантиметров укорочу юбку, куплю тонну косметики, стану участвовать в шумных вечеринках – это не будет моим настоящим лицом, это будет всего лишь маска. На самом деле я останусь все той же закомплексованной, серой, непривлекательной девицей.

Как мне хочется поехать в Токио! На целых две недели. Совершенно ясно, в качестве кого меня приглашает туда ВМ. Ольга, конечно, тоже едет, но она со своим Романом. У нее совсем другое положение: во-первых, Роман не женат, и он ее парень, возможно, собирается жениться на Ольге. Во-вторых, она блестяще знает английский и немецкий и оказывает ему помощь в переговорах (почему я не послушалась Ольгу, когда она звала меня поступать в иняз? Проклятый филологический. Бездарная профессия училки у необразованных, грубых, ограниченных детей. Их учить – это бесплодный, изнурительный труд, это такая же бездарная работа, как наполнение бочки Данаид!).

А ВМ женат. Ольга сразу предупредила меня, чтобы я не питала иллюзий. Боится, что я влюблюсь в него (по ее словам, он очень даже ничего, несмотря на возраст) и буду потом страдать. Значит, меня приглашают в роли постельной принадлежности. Какая гадость! Чтобы первый раз в жизни выбраться за границу, я должна унизиться до роли проститутки. Хотя нет, я себя обманываю. Конечно, мне хочется съездить в Японию, но еще больше мне хочется провести две недели в обществе интересного мужчины (обаятельного, остроумного и очень крутого, говорит Ольга). Это будет моим первым опытом. А если при встрече я ему не понравлюсь? О, кошмарная ситуация! Оля сказала, что ВМ видел меня, когда мы с ней заходили в офис (ей нужно было о чем-то поговорить с Романом, а я, деревенщина, так неуютно чувствовала себя в шикарных апартаментах, что не видела ничего вокруг и абсолютно не помню, какой из себя ВМ!). Якобы я ему понравилась, и он попросил Романа через Ольгу пригласить меня в эту поездку. Да уж! Оля оберегает мое самолюбие, а на самом деле, не сомневаюсь, все было иначе. Роман хотел, как всегда, взять в командировку свою подружку и, чтобы это не выглядело неуважением к начальнику, предложил ВМ «чистую, нетронутую девчонку» (это Ольга обо мне так отзывается). Услужливый Рома подсунул меня шефу. А я возьму и откажусь! Или не понравлюсь ВМ. Но ведь уже понравилась! Разве я могу кому-то нравиться? Носатая, ротастая, блеклая, тощая. Если все-таки нашелся человек, которому я понравилась, и это, к удивлению, не всеядный донжуан, не алкоголик-

дегенерат, а солидный, образованный, богатый мужчина, то зачем мне отказываться? Так и просижу со своей долгоиграющей нетронутостью до восьмидесяти лет. Может быть, я окажусь особенной женщиной, доставлю ВМ исключительное удовольствие, он бросит свою жену (детей у них нет!), и я стану гранд-дамой! Так, совсем заболталась! Только что переживала, что из меня пытаются сделать проститутку, а уже собираюсь затянуть аркан на шее ВМ. Удручающая непоследовательность. Сохранить гордость и порядочность и не ехать? И, как прежде, ходить в школу, муштровать детишек, быть вечерами от одиночества, ждать зарплаты... Или рискнуть, окунуться в незнакомую жизнь, провести две недели в Токио – отели, бары, рестораны, – и пусть я потом снова буду вставать в шесть утра и страдать от выходов моих пятиклассников, но вдруг после этой поездки я стану совсем иной? Конечно, вавилонскую блудницу ВМ из меня за две недели не сделает, но хоть какую-то раскованность я приобрету. Или отказаться? Ведь первый мужчина должен быть...»

– Елки-палки! – возмутился Андрей. – Но как же так?!

Страница закончилась, а следующая начиналась с другого эпизода. Такое безобразие несказанно рассердило сыщика, страстного аккуратиста во всем (кроме собственного автомобиля). По мнению Андрея, дневник должен был представлять собой собрание белоснежных, строго пронумерованных и прошитых страниц, где каждая запись имела бы точную дату (и, наверное, было бы совсем чудесно для сыщика, если бы автор на полях отмечал полные имена и адреса лиц, упоминаемых в повествовании). Сам Пряжников на заре юности тоже завел себе дневник – его дневник конечно же был безупречен в плане каллиграфии и хронологии, но, к сожалению, содержал всего одну фразу: «12.04.84 г. Сегодня я встал в половине восьмого и позавтракал яичницей с двумя помидорами...» На этом записи обрывались.

Алена, несомненно, и не задумывалась, сколько претензий она вызовет у детектива, решившего прочесть ее творение.

«...И не собираются выдавать. Меня пока спасает моя заначка, которую я, предусмотрительный суслик, сделала из отпускных, и запасы крупы, вермишели и чая. Хорошо, Иринка не позволила мне тогда истратить все деньги на ерунду. Как она выкручивается, я не представляю, мужу тоже полгода не платят зарплату. Двое детей, Машке всего пять месяцев. Ирку кормит грудью, а ест один суп из кубиков, ужасно. Вчера принесла им яблок и пакет с печеньем (Ольгин), Ира меня отругала, что я трачу деньги на них, а сама голодаю...»

Андрей рыдал. Ему хотелось прыгнуть в машину и мчаться к Алениной сестре – оказывать срочную материальную помощь. Но вместо этого взял календарик и принялся подсчитывать. «Так-с, детей уже три штуки, Машке около двух лет. Предположим, ровно два года. Значит, она родилась в октябре девяносто пятого. Плюс пять месяцев – получается февраль девяносто шестого. Трудно было поставить дату?»

«...А сама голодаю. О, как хочется получить деньги! Купила бы чего-нибудь вкусного, племяннику десять „киндерсюрпризов“. Машке – памперсы и фруктовое пюре. Размечталась. В моем классе у многих родители вообще забыли, что такое зарплата. Дети бледные, вялые, под глазами черные круги. Агафонов меня вчера поразил. Наверное, я к нему несправедлива была раньше. Он сидел на перемене и задумчиво грыз шоколад. Наверное, обдумывал очередную пакость. Где он взял такую гигантскую плитку – не представляю, размером с тетрадь. Я тихо позвала его и попросила продолжить гастрономические упражнения после уроков дома или где-нибудь в укромном месте, чтобы не травмировать других ребят. И он, вот уж, чего я не ожидала, покраснел, вернулся к своей парте и собрался было засунуть шоколадку в портфель, но передумал, раздробил ее на квадратики и заорал благим матом: „Братва, налетай! Атаман угощает!“ Через секунду все мои балбесы уже были перемазаны шоколадом от бровей до груди. А я-то все время считала Агафопова вредным и...».

«...Надо по порядку. Днем ко мне залетела Лиза и срочно потребовала выдать 10 миллионов под расписку Глеба Николаевича...»

– Вот-вот-вот, – насторожился Андрей. – Появляется Глеб Николаевич. Отлично. Сейчас мы все про него узнаем. – Андрей налил себе очередной бокал чая и вновь погрузился в чтение.

«...Под расписку Глеба Николаевича. Лиза была возбуждена и тараторила быстрее обычного. „Представляешь, Виола пришла, – объяснила мне она, – и минут двадцать пилила Глебушку в кабинете. Б. выскочил нервный и злой, на моем столе быстро написал эту расписку и сказал, чтобы я принесла денег. Положи бумажку в сейф, а мне давай 10 миллионов. Наверное, Виола на него наехала, что мало денег ей дает на содержание, прикинь, Алена, здорово она вышла замуж: и с мужем не живет, а денежки льются рекой. Захотела – и получи десять миллионов в зубы. А вдруг она их на любовника истратит? Интересно.

Какой же шеф был злой! У него, бедняжки, и денег-то столько не оказалось, чтобы удовлетворить претензию жены, он кредитками пользуется в основном, я знаю. Да... Десять миллионов. Блестяще!" Потом Лиза начала описывать великолепный костюм Виолы цвета абрикоса: жакетик-болеро и мини, пока я считала, упаковывала деньги и ставила штампик, потом – схватила плотную десятимиллионную котлетку и умчалась. А я отправилась к Татьяне, потому что она собирается в отпуск, и мне велели быстренько подучиться, я буду сидеть в обменном пункте. И надо же, именно в Татьянино окно обратилась жена Б., чтобы обменять свои десять миллионов, только что упакованные мной, на доллары. Смотри, твой штамп, засмеялась Татьяна, принимая деньги от Виолы. Виола выглядела ослепительно. Трудно определить ее возраст. Костюм, который потряс Лизу, действительно был великолепен. Виола мягко улыбнулась нам, у нее чудесная, очень женственная улыбка. Не знаю, как такая обаятельная женщина может кого-то разозлить, от нее веет спокойствием и нежностью. Мы с Татьяной...» «...Отдельный номер. Отель пятизвездочный, шикарный, в моем номере два телефона (один – прямо около унитаза, какое великолепное решение!), в ванной – фен, и зеркало не запотеваает, когда открываешь кран с горячей водой. Мы немного погуляли, сфотографировались на фоне Асакусы, ВМ купил мне короткое платье, туфли и кашемировую накидку в тон (несмотря на то, что сейчас февраль, здесь тепло) – у меня никогда не было таких вещей, ВМ сам выбирал, у него исключительный вкус. После обеда в ресторане „Аои-марушсин“ (ели темпуру – креветок в золотистом хрустящем панцире из запеченного теста – и всякие непонятные традиционные японские блюда) ВМ отправился на встречу с японскими коллегами, выделив мне десять тысяч йен на самостоятельный ужин. Я стойко пренебрегла ужином, зато купила в фешенебельном бутике на первом этаже отеля темно-лиловый лифчик и трусики из матовых кружев. Полчаса стояла перед зеркалом (Ольга говорит, что у меня непропорциональная фигура и не правильные коленные чашечки. Да, я вся какая-то не правильная!), представляя, как все будет происходить сегодня вечером. В девять часов приняла душ, попыталась создать хоть какую-то прическу, облачилась в темно-лиловое negligee и махровый халат и с трепетом стала ожидать прихода ВМ за его дивидендами. Трепетала до одиннадцати, потом он позвонил, сказал, что встреча с японцами прошла удачно, он ждет меня завтра в семь утра в ресторане отеля, спокойной ночи, целую в носик (это у меня-то носик!). Всю ночь я сохраняла на лице выражение жуткого недоумения. Зачем ВМ взял меня в поездку?..»

– Действительно, зачем? – тоже удивился Андрей и зевнул. Два желания боролись в нем – дочитать до конца и лечь спать. Победило чувство долга: сыщик мужественно протер глаза кулаками, так что веки у него покраснели, и

уперся взглядом в новую страницу. Но маленькие круглые буковки превращались в непоседливых букашек, шевелились, прыгали, лезли друг на друга. Через некоторое время звезды, заглядывавшие в комнату сквозь неплотно зашторенные окна, увидели умилительную картину: сраженный сном детектив лежал на диване, прижимая к груди Аленин дневник, и нежно, мелодично посапывал. Могучая грудь вздымалась ритмично и спокойно, истрепанный ворох бумаг также ритмично двигался вверх-вниз. Андрею снилась маленькая синеглазая Катерина. Она крепко сжимала побелевшими пальцами пистолет и целилась в Глеба Николаевича Батурского.

Глава 8

Дирли-Ду открыла свои чудесные аквамариновые глаза, провела рукой по лицу, убирая золотистую прядь, и капризно подумала: «Хочу солнца!» Она резко откинула атласное одеяло, легко выпорхнула из вороха пенно-белоснежного постельного белья и подбежала к окну. Словно исполняя ее желание, мрачные свинцовые тучи неохотно расползлись в стороны, выпуская на свободу утреннее солнышко из унылого октябрьского плена.

«Спасибо!» – воскликнула Дирли-Ду. В номере фешенебельной гостиницы «Фламинго» было тепло, а паркет приятно холодил босые ноги. Дирли-Ду метнулась к огромному зеркалу и начала принимать различные позы, любуясь собой. Потом она подошла ближе, отбросила за спину каскад рыжих вьющихся волос и придирчиво стала изучать лицо. Эта процедура тоже принесла ей громадное удовольствие.

В дверь негромко постучали. Голая Дирли-Ду сделала удивленные глаза, высокими скачками запрыгала к выходу и притаилась.

– Завтрак! – раздалось снаружи. – Ваш завтрак!

Если бы дело происходило за границей, портье добавил бы «сеньорита», или «мадемуазель», или «мэм», но здесь обитательница гостиницы осталась неназванной. «Госпожа» или «дама» звучало несколько претенциозно, а «гражданка такая-то» и вовсе не вписалось бы в роскошные интерьеры «Фламинго».

Дирли-Ду щелкнула замком, потянула на себя дверь и прижалась к стене, чтобы не осчастливить портье видом своих обнаженных прелестей (дары природы и родителей). В комнату плавно въехала тележка, накрытая нежно-розовой льняной салфеткой с эмблемой гостиницы – маленький силуэт птицы фламинго в виньеточном овале золотого шитья.

Дирли-Ду помахала из-за двери голой рукой и снова забаррикадировала вход в номер. Она повезла тележку в ванную комнату, всю в мраморно-розовом кафеле, где включила краны с горячей и холодной водой, смастерила на затылке пышную огненную «бабетту» и нырнула в мини-бассейн. Под салфеткой оказался ледяной апельсиновый сок, фрукты и свежие газеты.

Орандж плескался в бокале, а Дирли-Ду плескалась в розовой пене, умудряясь при этом читать «Выстрел в упор» и делать гимнастику для ног. Газета, в которой девушка с интересом прочла статью о смерти генерального директора банка «Гарант» и несколько рекламных объявлений, изрядно подмокла.

Вдоволь поплавав, съев грушу и вазочку клубники, Дирли-Ду завернулась в махровый халат и, ненасытная, продолжила завтрак в гостиной: омлет, кофе, тост. Когда с едой было покончено, Дирли-Ду включила телевизор, взяла блокнот с ручкой и, разбросав по дивану свои прекрасные нижние конечности, принялась составлять список покупок. Сегодня она была намерена очень экономно и рационально истратить десять тысяч долларов, поэтому надо было все основательно продумать.

Проблема платья выросла до гигантских размеров, она мучила Ксению своей неразрешимостью и даже заставила ее несколько раз украдкой всплакнуть.

Судьбоносная вечеринка у Зоей Менгер состоится уже завтра, вечеринка, на которой Ксения должна разыграть все свои козырные карты и наконец-то заарканить недоступного и такого соблазнительно-вкусного Стручкова. Три туза держала Ксюша в руках: бубновый – безупречная фигура и очаровательное личико, пиковый – интеллект и образованность, червовый – страстное желание добиться Егора, накинуть на крепкую шею норовистого мустанга любовное лассо и слегка придушить жертву, так, чтобы до конца жизни Стручок смотрел на прелестную Ксению Губкину восторженным взглядом. Отсутствовал лишь крестовый туз – умопомрачительное платье. И сейчас, подогреваемая

внушениями заботливой Сапфиры, Ксюша убеждала себя, что все пойдет прахом, не раздобудь она к менгеровской вечеринке какой-нибудь ослепительный наряд. Она просто исчезнет в яркой толпе блистательно-дорогих сокурсниц, она не сможет подойти к Стручкову в своем убогом рубище, она не посмеет даже поздороваться с ним, не то что занять его остроумной беседой и обогатить сведениями, почерпнутыми в журнале «За рулем». Все зацикливалось на платье, Ксюша не могла думать ни о чем другом.

– Ксения, ягодка, ты почему так печальна?

Тридцатилетний сын хозяйки Владимир, очень лояльно настроенный в отношении квартирантки (в отличие от своей матери, которая вынужденно открыла Ксении кредит в двести долларов и поэтому не сгорала от любви к ней), заглянул в комнату. Ксения, прелестная и несчастная, тихо грустила в своей клетушке, и у Володи разрывалось сердце от сочувствия, а нижняя часть тела – от невозможности сорвать эту спелую, бесхозную ягодку.

Ксения, уже изувечившая левое полушарие своего мозга жестокой проблемой наряда, со вздохом поделилась горем.

– Возьми напрокат, – не задумываясь, рекомендовал Володя, съедая взглядом Ксюшины голые коленки, – она сидела на кровати в домашних шортах, подогнув под себя ноги. – Не думаю, что это будет очень дорого. А с твоей фигурой подобрать что-нибудь подходящее не составит труда.

– Правда? – оживилась Ксения. – А сколько это стоит? Почему я раньше об этом не подумала. Ведь можно взять напрокат!

– Хоть в чем-то оказался тебе полезен, – улыбнулся Владимир голодной улыбкой. – Идем, я подброшу тебя до какой-нибудь фирмы, кажется, недалеко от нас я видел рекламу «Одежда в аренду».

Ксюша прыгнула с кровати и начала лихорадочно собираться.

Через час упорных поисков была, в конце концов, обнаружена фирмочка «Санта-Лючия», которая предлагала жаждущим девицам за умеренную плату почувствовать себя Наоми Кемпбелл, Надей Ауэрман, Кристи Тарлингтон. Ксения горячо поблагодарила Володю за услугу и проигнорировала клятвенно-игривое

замечание о его вечной преданности очаровательной квартирантке.

Небольшой демонстрационный зал, весь в нежно-голубом пластике, был населен чрезвычайно стройными лысыми манекенами. Романтические платья, воздушные туники, жакеты, юбки, костюмы, блузки... кружева, пике, поплин, шелк, креп, жоржет, шифон, габардин, мадаполам, лен, лайкра... стразы, перья, бисер, паутинки, цепи, розы, мех, жемчуг, пайетки... красный, алый, карминный, бордо, рубиновый, морковно-оранжевый, абрикосовый, солнечно-желтый, янтарный, золотисто-терракотовый, лимонный, канареечный, травянисто-зеленый, изумрудный, лазурный, ультрасиний, жемчужно-серый, стальной, розовый, фуксиевый, сиреневый, ядовито-фиолетовый, баклажанный, древесно-коричневый, ореховый, тигровый, эбонитовый, матово-черный, лилейно-белый...

– Можно я примерю вот это? – простонала Ксения, у которой закружилась голова от великолепия и обилия нарядов. – Конечно, пожалуйста, сюда, – из сонмища нарядных манекенов возникла длинная красotka, такая же невесомая и нарядная, но отнюдь не лысая. Она указала на примерочную.

Выбранное платье, пурпурно-красное, обтягивающее, на тонких бретельках и с решительным разрезом, не произвело бы впечатления только на инвалида по зрению: оно манило, оно кричало, оно провоцировало. Ксения, одолжив глаза у Стручкова, взглянула в зеркало и внутренне ахнула. Стручкову некуда было бежать, он бился в конвульсиях у ног пурпурной Ксении и протягивал ей на ладони свое вздрагивающее сердце...

Эфемерная красotka напряженно жевала «дирил без сахара», похрустывая челюстями. Увидев Ксению, она всплеснула руками:

– Бесподобно! Тот, кого ты хочешь изумить, уже у тебя в кармане. Берешь?

– А сколько я должна заплатить? – осторожно спросила Ксения.

– Залог – четыреста долларов по курсу. Каждые сутки из залоговой суммы вычитается двадцать пять баксов. Совсем недорого, все модели в единственном экземпляре, на званом вечере ты гарантирована от встречи с двойником, ручная работа, если покупать, то такое платье ты и за тысячу долларов не купишь. – Бери!

– Я возьму, – решила Ксения. Она достала деньги.

У нее было пятьсот долларов – деньги на учебу, присылаемые сердобольными австралийскими родственниками каждые два месяца. До десятого октября Ксюша должна была перевести эту сумму на счет своего института экономики и бизнеса. За неуплату отчисляли стремительнее, чем за неуды.

«Послезавтра верну платье, у меня останется четыреста пятьдесят. Пятьдесят займу у Сапфирки», – быстро вычислила Ксюша.

– Ой, а ведь послезавтра воскресенье! – вспомнила Ксения. – А мне только на субботу надо. И за воскресенье платить?

– Я тебя поздравляю, – ответила девица, укладывая платье в картонную коробку и одновременно отправляя в рот новую пластинку «дирола», – в воскресенье мы не работаем. Но платить не надо. Если вернешь в понедельник в это же время – будет считаться, что двое суток. Полтинник платишь, и мужики через одного лежат с апоплексическим ударом. – Красный цвет тебе очень идет.

Ксения вышла на улицу, прижимая к груди большую коробку. От волнения и восторга ее щеки были такими же пурпурными, как и выбранное платье.

Рабочий день, небогатый уловом, заканчивался, и Аля хмуро смотрела сквозь витрину на улицу, где в неярких лучах вечернего солнца мелькали фигуры торопливых прохожих.

– Ничего не видно, я включу уже, – сказала Таня. Зал бутика наполнился мягким светом.

– Сегодня, можно сказать, ничего не продали, – грустно заметила Аля. – Конечно, такие цены! Я вчера зашла в «Королевскую лилию» на Ильинке, там практически весь наш ассортимент, а цены ниже почти в два раза.

– И почему он такой жадный? А мы виноваты. Не умеем продавать.

– Ну. Сам бы попробовал. С такими ценами! Недовольство девушек адресовалось владельцу салона. Торговля изысканным женским бельем шла вяло, редкие

посетители неуверенно разглядывали кружевные бюстгалтеры и эластичные комбидрессы, трогали атласные маечки и прозрачные боди и устремлялись к выходу, едва Таня или Аля с кровожадными улыбками на лицах делали попытку приблизиться к ним.

На карточках-бэджах у девушек значилось: «Продавец-консультант». Сегодня за весь день им удалось проконсультировать всего одного покупателя. Квадратный юноша в неподъемных золотых цепях на шее и запястьях с помощью выразительной жестикуляции обрисовал формы своей подруги и покинул бутик с коробкой нежно-розового цвета – в коробке покоилась игривая пижамка из белого, с жемчужным отливом, шелка за триста долларов.

Тяжело отдуваясь, в магазин ввалилась необъятная женщина с гигантской клетчатой сумкой. Ее плотно обтягивал китайский спортивный костюм бодрой расцветки, а на голове лохматился парик, который должен был превратить его носительницу в шикарную блондинку, но не превращал. Из-под синтетических кудрей по лбу женщины текли капельки пота.

– Ох, уморилась, – громко объяснила посетительница, опуская сумку на матовый пластиковый пол. – Что у вас тут, девочки? Белье?

– Белье, – кивнули Таня и Аля. – Бельишко.

– Давай посмотрим.

Гаргантюаобразная дама решительно устремилась в атласно-кружевные кущи.

Девочки заволновались. С одной стороны, визитерша никак не была похожа на человека, способного отвалить сотню условных единиц за фантазийные панталончики, с другой стороны, каждый покупатель был на счету, и кто знает, какие материальные возможности скрывались за непритязательной внешностью челночницы.

– Вы знаете, у нас тут немножко дорого, – осторожно предупредила Таня. – Даже просто катастрофически дорого.

– Не страшно, – мужественно ответила дама. – Тело надо баловать. Давайте подберем. Вот эту модель. Чтобы мой размерчик. И вот это. И это еще.

Продавцы-консультанты с воодушевлением принялись за работу, но увы – воображение иностранных модельеров никак не достигало границ пятьдесят шестого размера, и единственной вещью, которая могла побаловать тело покупательницы, оказался свободный пеньюар для утреннего кофе.

– Ну хоть что-то, – улыбнулась Аля, проводив обеспеченную челночницу. – Пеньюарчик сбагрили.

– Но с такой дневной выручкой не видать нам в октябре хорошей зарплаты.

– Не видать, – с тоской согласилась Таня. – Через полчаса будем закрывать.

И тут в дверях возникла рыжеволосая девушка, яркая и эффектная до неприличия. В одной руке она держала шляпную коробку, в другой – три фирменных пакета. Было ясно, что прежде чем добраться до бельевого бутика, она ограбила несколько других магазинов.

– Вы закрываетесь?

– Нет-нет! Даже не собираемся! – воскликнули Таня и Аля.

– Тогда я, наверное, кое-что у вас куплю.

Девушка уверенно направилась к этажеркам с бельем. Через пятьдесят минут Таня и Аля, безмерно удовлетворенные, уже копошились в ворохе отобранных рыжеволосой мотовкой драгоценных тряпок, сортируя и упаковывая невесомые штанишки, чулки, корсеты, халаты и лифчики...

– Хотела бы я хоть раз так пробежаться по магазинам, – говорила Аля Тане на автобусной остановке, – чтобы не считать, хватать все, что нравится, чтобы деньги тратить, тратить, а потом дома сидеть, рассматривать, примерять... Здорово, правда?

– Здорово. Сколько она у нас оставила? Мы столько за год не заработаем.

– Хорошо быть богатой.

– Да наверняка любовница какого-нибудь крутого. С таким-то экстерьером. Ты видела, какие у нее ноги? За такие ноги любой буржуин будет отваливать деньги не по счету, а на вес. «Дорогая, возьми в шкафу грамм триста долларов, купи себе что-нибудь этакое пикантное. А, ладно, бери полкило!»

– Вот это жизнь!

– Ну, у богатых свои проблемы, – трезво заметила Таня. – Не расстраивайся. Наш автобус.

Глава 9

Андрей мучился в догадках, но на протяжении получасового интервью ему так и не удалось определить возраст собеседницы. Директор агентства «Деловой вояж» Сюзанна Эдмундовна, как великолепная дрейфующая яхта, таинственно блуждала в диапазоне от двадцати семи до сорока семи лет.

Удостоверение сотрудника уголовного розыска тихо покоилось в кармане замшевой куртки Андрея, и собеседница, пока не уstraшенная грозным званием симпатичного посетителя, была доверчива, открыта, разговорчива.

Если возраст дамы остался загадкой, то истинное предназначение агентства «Деловой вояж», где работала Вероника Соболева, было мгновенно выявлено проникательным сыщиком – да и прекрасная Сюзанна Эдмундовна с готовностью помогла потенциальному клиенту.

– Наши девочки – настоящие профессионалки, – нежно щебетала мадам, игриво поглядывая на молодого, импозантного посетителя. Отличное слово «профессионал» приобретало в ее кораллово-красных устах добавочный, не совсем приличный оттенок. – Прекрасно владеют машинописью, умеют составлять деловые письма, контракты, знают правила этикета. А если вам необходимо сопровождение на торжественный прием, банкет, наша девочка будет незаменимой спутницей – поддержит диалог с вашим партнером на

интересующую его тему, будет просто обворожительна. У нас целая коллекция нарядов от Зайцева, Юдашкина и зарубежных модельеров. Вас будет сопровождать безукоризненно одетая, остроумная, эрудированная, красивая женщина. Несомненно, это плюс для вашего имиджа, авторитета, престижа. Желаете взглянуть?

Андрею был предложен добротный изданный каталог. Рядом с фотографиями девушек (в деловом костюме и в бальном платье с драгоценностями) располагалась подробная информация об их выдающихся способностях: скорости печатания, владении иностранными языками, умении водить автомобиль и так далее. Три девицы были непревзойденными мастерами по части управления катером, еще семь увлекались верховой ездой, одна успешно практиковалась в таэквандо, еще одна блестяще делала внутривенные инъекции.

– Они все так красивы, – заметил немного ошалевший от такого количества щедро одаренных девиц Андрей. – И так компетентны. Как же выбрать?

Сюзанна Эдмундовна поспешила дожать горячего клиента. Она потупила сияющий изумрудным огнем взор и интимно-доверительно сообщила:

– Вы понимаете, что наши девочки готовы удовлетворить любую потребность заказчика? Лю-бу-ю.

– Да? – заинтересовался клиент. – Что вы имеете в виду?

Сюзанна Эдмундовна жарко вздохнула и пятнадцать секунд гипнотизировала заторможенного посетителя откровенным, полным намека взглядом.

– Ну, например, вы весь день вели напряженные переговоры где-нибудь на Мадагаскаре...

– У меня нет никаких контактов с Мадагаскаром, – уточнил Андрей.

– Не важно, – в нетерпении отмахнулась Сюзанна Эдмундовна. – Вы возвращаетесь в гостиницу в сопровождении нашей девочки усталый, немного нервный. Чего бы вам захотелось после теплой ванны и легкого ужина?

– Завалиться в кровать? И часиков двадцать похрапеть? – предположил Андрей.

– Но вы же молодой, здоровый мужчина! – возмутилась Сюзанна Эдмундовна. – А рядом – красивая юная женщина, которая только что делала вам в ванной массаж!

– Массаж! В ванной! – обалдел от счастья клиент. – Значит... Что же вы сразу не сказали?

Сюзанна Эдмундовна облегченно вздохнула. С такой исключительной заторможенностью она встречалась впервые.

– Сколько это будет стоить? – спросил повеселевший и обрадованный Андрей.

– Это зависит от способностей девушки. Выбирайте по каталогу, а потом я вам скажу.

Андрей прошуршал глянцевыми страницами и грубо впечатал палец в снимок, на котором была изображена эскорт-девица Вероника.

– Вот эту хочу!

– У вас отличный вкус, – хмуро заметила Сюзанна Эдмундовна. – Вы выбрали одну из самых лучших сотрудниц. Но, к сожалению, она у нас больше не работает...

– Почему? – спросил Андрей.

– Вышла замуж и уехала в Европу, – сухо и недовольно ответила содержательница выездного борделя. – Так вы будете кого-нибудь брать?

– Ну, если только вас. – Пряжников наконец стер с лица несвойственное ему туповатое выражение и извлек на свет «корочку». – Хотел бы провести с вами, Сюзанна Эдмундовна, не менее шестидесяти минут, радуя сердце откровенной беседой. Надеюсь, вы подробно расскажете мне о Веронике и ее клиентах...

Если бы все подопечные Сюзанны Эдмундовны в одночасье пали жертвой бубонной чумы, если бы она обнаружила таракана в ресторанном салате или новый кандидат в молодые любовники оказался бы гомосексуалистом, – и тогда Сюзанна Эдмундовна не выглядела бы несчастнее, чем в этот момент.

После визита в «Деловой вояж» Андрей выкроил кусочек свободного времени. Он остановил автомобиль около бистро «Момент», бистро, которое вызывало у него приятные ностальгические воспоминания о тех временах, когда здесь за стойкой жонглировала экзотическими гамбургерами и бутербродами синеглазая Катерина.

Андрей заказал стаканчик горячего кофе и исполинский сандвич под названием «Танталово освобождение» (творчески одаренная личность, повар Владислав, конечно, не мог указать в ценнике просто «бутерброд с ветчиной и свежим огурцом», он призвал на помощь мифологию: по древнегреческому мифу Тантал, царь Фригии, оскорбил богов и получил за это по рогам – бедняга стоял по горло в воде под тяжелыми ветвями ароматных плодов и умирал при этом от жажды и голода).

Пристроившись на высоком табурете в углу бистро, Андрей достал дневник Алены, надкусил сочный и горячий бутерброд, глотнул обжигающего кофе и с головой нырнул в Аленыны переживания...

Дневник Алены. «...Наконец-то домой к Агафонову. Дверь открыл Вася, он был в одних трусах, но ужасно деловой. „Ругаться пришли, – трезво оценил он обстановку, – проходите. Мама сейчас вернется из магазина“. Я пошла за Агафоновым на кухню и обнаружила там маленького брата на высоком стульчике – Агафонов кормил малыша кашей. Ребенка практически невозможно было разглядеть из-за каши, и он был абсолютно счастлив. „Ну вот и все, – сказал Вася, заканчивая, – полетели мыться“. Дома он какой-то чрезвычайно серьезный и самостоятельный. Я ведь привыкла считать его бандитом. Вскоре пришла мама, совсем молодая, цветущая, с грудой пластиковых пакетов и – о Боже, неужели такое возможно! – еще одним карапузом. Моя Ирина говорит, она бы тоже хотела родить троих, если бы были деньги. Героини! Мама Жанна сразу поняла, что я из школы, и даже назвала по имени. Она вручила девочку подбежавшему Агафонову, а сама стала выгружать сумки. Она совсем не была похожа на усталую, озабоченную, измотанную мать троих детей. Веселая и улыбчивая. „Вот удивительно, что вы к нам пришли, – сказала она, – я думала,

учителям сейчас и уроки-то вести неохота не то что учеников по домам навещать. Зарплату ведь не платят? Васечка, сними с нее памперс, пусть проветрится!“ – „Уже снял, мамаша, не беспокойтесь!“ – ответил Агафонов тоном, каким разговаривают с женщинами врачи в детских поликлиниках. „Как же это у вас... Трое!“ – поинтересовалась я. „Муж моряк, – объяснила Жанна, – как вернется из плавания, так ни одно противозачаточное средство не выдерживает. Да я и сейчас беременная. Два месяца. Ну и ладно. Дети – как иностранные языки: первый дается трудно, а потом пошло-поехало. А сын про вас мне часто говорит, Алена Николаевна!“ Я замерла. Что про меня может хорошего сказать Агафонов? Что я замучила его замечаниями, что я вредная, бессердечная училка? „Да, Алена Николаевна, я вас, можно сказать, хорошо знаю. Вася говорит, что вы единственный человек из преподавательского коллектива, сохранивший чувство юмора, несмотря на принадлежность к зверской профессии. Прямо так и говорит, я удивляюсь, десять лет, а как что-нибудь скажет заумное! Еще говорит, что вы женственная. Представляете?! Я спрашиваю: Васечка, а что ты понимаешь под этим выражением? Он говорит: Алена Николаевна не ругается, не дерется, не хватает за шкуру и не сплетничает о коллегах. Вот! Значит, он правильно употребил слово „женственная“, да? Во время монолога Жанны я тихо сползла под кухонный стол. Агафонов! Маленький разбойник! Как я могла теперь сказать его матери, что вся школа стонет от его бандитских выходок? Навестила родителей, называется! Что мне оставалось? Я неуверенно пролепетала, что Вася – чудесный ученик, только его подвижность и активность время от времени создают некоторые трудности, но это, конечно, возрастное, а мальчик он хороший... Да, совсем не эту речь повторяла я про себя, когда добиралась до агафоновского дома с автобусной остановки. Вася вышел попрощаться...”

«...Ознаменует для меня начало века Астреи, счастливой поры в моей серой жизни. Роман взял у меня паспорт, чтобы подготовить визы, скоро мы едем. Все четверо. Я никак не могу поверить, что согласилась. Может быть, две недели в Токио станут переломным моментом в моей биографии? Моя жизнь изменится, и соответственно изменятся мое поведение и отношение к себе. Я наконец-то полюблю себя, свою внешность. Ольга милая, утешает меня всегда, что мужчины часто обращают мало внимания на лицо...»

«Ну конечно!» – не согласился Андрей.

«...Налицо, больше интересуясь фигурой и сексуальной одаренностью. Ничего себе выраженьице! Но и моя фигура – не лучшая приманка, а про сексуальную

одаренность я вообще молчу. Результат – уже двадцать три года, а у меня не было ни одного мужчины. Пишу и плачу. Возможно, проблема в моей закомплексованности. У Иринки такой же необъятный носопырик, как и у меня, а она давно замужем. И если не считать материальных проблем, живет прекрасно – душа в душу с супругом. Самое интересное, я так и не увидела еще ВМ. Ольга говорит, чтобы я не переживала, познакомлюсь в аэропорту. А если я увижу на его лице удивление и разочарование или отвращение? Вдруг он плохо разглядел меня тогда, в офисе, и нарисовал в воображении портрет хорошенькой незнакомки? И тут появлюсь я. Или ему и вправду совершенно наплевать на мою внешность, он закинет меня в кровать в токийском отеле и будет мучить круглосуточно две недели? А если он, страшно выговорить, извращенец – с наручниками и шамберьером? В какую авантюру я ввязалась! Ну и характер у меня – буду страдать до самого отлета, приделывать ВМ рога и хвост, думать, что он – маркиз де Сад, а на самом деле все окажется гораздо проще и не так страшно. Совсем не представляю, что брать с собой в поездку. Проблема гардероба заговорила о себе в полный голос. Ольга успокаивает: главное, долететь до Токио, а там ВМ все купит. С какой стати он будет покупать мне одежду? Достаточно того, что он оплачивает билет, отель, еду. О-о! Неужели я согласилась? Как Раскольников, переступила черту, и нет пути назад. Не буду ли я вспоминать об этой поездке с содроганием? Не станет ли она самым постыдным эпизодом в моей жизни? Я еду в путешествие с женатым мужчиной, на его деньги. А если я никогда...»

«...На педсовете. Мое единственное упущение – конечно же Агафонов. Представляю, как меня песочили бы десять лет назад, если бы я тогда работала в школе. Сейчас Элеонора особенно не увлекается разбором полетов – вдруг кто-нибудь обидится и адье, пойдет уборщицей в коммерческий туалет или консультантом в частный лицей. Там зарплата не только выше, там ее раз в месяц даже дают! Поэтому завуч только мягко намекнула, что не плохо бы мне поговорить с родителями Агафопова, возможно, у него неблагоприятная обстановка дома и т. д. и т. п. А в целом я прекрасный педагог, дети меня любят, планы уроков составляю талантливо, материал подаю неординарно. Я не знала, куда спрятаться от смущения. Это было утром. А днем произошел новый инцидент. Агафонов принес в школу настоящий американский „Плейбой“ и сорвал географию. Когда Марина Федоровна выставила его за дверь, он потратил остаток урока на то, чтобы ножичком выгравировать на огромном листе нашего школьного фикуса надпись: „Секс – это жизнь“. Завтра же пойду к нему домой разбираться с родителями. Или отложить до...»

«...Совершенно разные ощущения. Какое горячее, исступляющее наслаждение способен доставить ВМ и как уныло однообразен и пресен Г.! Какие они разные. И оба мной заинтересовались. Странно это и непонятно. ВМ две недели сводил меня с ума, провел ускоренный (к сожалению!) сексуальный ликбез, показав, какую неистовую радость может доставлять мне мое собственное тело, а Г. меня изводит. Пока он утомительно и напряженно трудится, я лежу неподвижная и холодная, как селедка, смотрю в одну точку, изучаю рисунок на потолочной плитке и мечтаю, чтобы он наконец-то пришел к финишу и оставил меня в покое. Самое отвратительное, что Г. явно получает удовольствие, он не обращает никакого внимания на мое равнодушие, он требует, чтобы я появлялась в его квартире еще и еще. Когда же это кончится?! Ненавижу...»

«...Вчера снова отбывала повинность у Глеба. Приехала на такси, он дал мне денег, более чем достаточно, чтобы взять машину. Чего в нем абсолютно нет – это жадности. Предлагал мне новую, более интересную и прибыльную должность. Отказалась. Во-первых, я и так не сплю ночами, размышляю о своем стремительном падении, во-вторых, страшно боюсь, что в банке узнают о моей связи с Б. Слава богу, вроде бы никто пока не бросает на меня косых взглядов. Я нема как рыба и даже с Ольгой не поделилась горячей новостью, что меня избрал своей фавориткой директор банка. И если какая-то роковая случайность, совпадение не разоблачат меня, надеюсь, удастся сохранить репутацию незапятнанной хотя бы в глазах сотрудников (о своих глазах я не говорю. Считаю себя падшей женщиной). Молю бога, чтобы удалось соблюсти тайну, пока непонятное желание Б. обладать мной не угаснет. Вчера, маскируясь, в темных очках, прибыла в дом Глеба. Секс с ВМ был потрясающ, чего абсолютно нельзя сказать о Б. Ноль эмоций с моей стороны. И – о, неожиданное счастье! – ничего не произошло. Для меня-то счастье, а для Б. кошмар. Не представляю, что с ним случилось. Он стоял у кровати, где я целомудренно камуфлировалась простыней, уже по пояс голый и листал свой блокнот, как внезапно схватился руками за голову и рухнул на постель. Он буквально катался по кровати, и, думаю, только мое присутствие сдерживало его от рычания и воплей. Несмотря на отвращение и злость, которые вызывает во мне Б., я, конечно, искренне пожалела его. Такие мучения! Приступ закончился минут через пять, и к моменту, когда боль отпустила, на Б. было уже страшно смотреть – белый как полотно, с выступившими на глазах слезами. Уткнулся мне в грудь лицом, я обняла его и прижала к себе. Так и сидели на кровати. Голубки. А еще через десять минут он совершенно оклемался, посвежел и стал прежним Б. – красивым, породистым мужиком. Но о сексе, к моей радости, речи уже не шло. Просто устроили совместный ужин – и ужинать вместе с Б. мне было совсем не противно, как заниматься с ним сексом. Я знаю, что не привлекаю его в роли

изысканной собеседницы, остроумной полемистки, все, что ему нужно от меня, – животный секс. Он испытывает ко мне какую-то звериную, сугубо физиологическую страсть, лишенную духовности. Но в этот вечер, вечер без секса, он попросил меня остаться. Не хотел одиночества. А я, став случайно свидетельницей его мучений, смотрела на него по-новому: для женщины жалость является смертоносным капканом. Мой ненавистный банкир, вынудивший меня отрабатывать зарплату в постели, вовсе не так удачлив, самоуверен, благополучен и всемогущ, как кажется. Он извивается в тисках страшной боли и ничего не может поделать. Он так же слаб и бессилён перед лицом этого страдания, как я перед его напором и требовательностью. Я не могу сказать ему: „Оставьте меня в покое!“ – а он не может попросить об этом свою боль. В общем, поужинали славно и спокойно, будто добрые муж и жена накануне серебряной свадьбы. Б. сказал, что приступы стали терзать его чаще, я, вся такая медицински осведомленная, предостерегла, что, возможно, дело в нарушении мозгового кровообращения и рукой подать до инсульта. Он махнул рукой – да ерунда, просто очень много работаю, мало сплю. Вот-вот, язвительно подумала я, здоровье-то уже того, уплыло, а все скачет в кровати, как двадцатилетний. Конечно, голова заболит. Потом я...»

«...Она ждала мужа. Она не только красива, как мне рассказывала Лиза, но вся словно светится. У нее голубые глаза и светло-русые волосы, искусно мелированные. Очевидно, для Б. это был сюрприз, он вышел из здания, увидел Виолу в автомобиле и заулыбался. Они поцеловались, Виола мягко тронулась с места, и через минуту шикарная тачка с моим начальником и его женой на борту заняла свое место в автомобильной пробке около перекрестка. Я с грустью проводила глазами счастливую парочку и поковыляла к остановке. Интересно, о чем они будут говорить сейчас? Она расскажет, как провела день? Куда поедут? Сразу домой, или на какой-нибудь прием, или в ресторан? Чужая жизнь. Хотя один бы глоточек такой жизни. Но что это я разнылась? Мне стыдно жаловаться! Еще несколько месяцев назад такой заработок, как сейчас, показался бы мне невероятным, и вот, человеку всегда чего-то не хватает, я завидую Виоле, светской даме, жене банкира! Глупая. У меня свои радости, своя жизнь, очень даже неплохая теперь. Вчера купила Ирине костюм в бутике, она чуть не расплакалась – сто лет не надевала ничего нового. Какое счастье, что теперь я могу помогать ей, моему единственному родному человеку. У Машки уже четыре зуба, смешная, кусается. Я думала...»

«...Да, годится в отцы, но он совершенно меня очаровал. Элегантный, подтянутый, с серебристыми висками, очень предупредительный, заботливый, вежливый, остроумный. ВМ ни единым словом не дал мне почувствовать, что я

путешествую на правах содержанки. ВМ и Роман что-то там переиграли, поэтому мы не можем лететь в Токио одновременно вчетвером. Роман и Ольга прилетят позже. Почти девять часов мы болтались в воздухе, но что это был за полет! Авиакомпания „Джал“ надолго задержится в моей памяти, вызывая приятные воспоминания о широких, удобных креслах, милых стюардессах-японках, огромном бифштексе, песочных розетках с черной икрой, шампанском и бордо из порционных бутылочек, сверкающем душистом туалете. В нашем салоне на втором этаже самолета было всего девять пассажиров. Несколько часов я проспала, устроившись сразу на трех креслах, а стюардесса заботливо укрыла меня пледом. ВМ рассказывал интересные истории из своей богатой приключениями жизни (он объездил всю Северную и Южную Америку, Африку, он исколесил вдоль и поперек Европу на своем автомобиле), смешил меня забавными анекдотами. Несколько раз нежно погладил мою руку. Удивительно! Как сильно на мою самооценку влияет отношение окружающих: впервые рядом со мной оказался мужчина типа ВМ, и я почувствовала себя интересной...»

– ...Убрать?

Андрей, ничего не понимая, поднял голову от своего драгоценного манускрипта. Некрасивая, пасмурная девочка в униформе настойчиво тыкала влажной губкой под локоть сыщику.

– Можно здесь убрать? – повторила она.

Андрей внимательно осмотрел ее долгим, задумчивым взглядом, и девица внезапно покраснела и улыбнулась.

– Вы ведь уже поели? – более мягко сказала она. – Или еще посидите?

Андрей снова не ответил и продолжал смотреть на униформенную официантку, не замечая ее и думая об Алене. Девушка совсем смутилась и занервничала.

– Извините, я не хотела вас беспокоить! Просто подумала, может, надо убрать. У вас кофе кончился, принести еще?

Андрей безмолвно кивнул и уставился взглядом на недочитанную страничку. Через секунду услужливая и почти потерявшая сердце девица осторожно подвинула к нему стаканчик с кофе.

«...Почувствовала себя интересной женщиной, а не серой мышью. Возможно, это от выпитого шампанского, но скорее всего – именно от нескольких случайно оброненных комплиментов ВМ (кто в последний раз делал мне комплимент?!) у меня развязался язык, я даже пыталась острить. Почему-то он не носит обручального кольца, и даже следа на пальце я не заметила. Какое несчастье, что он женат! Хотя на что я претендую? Мужчина сказал мне несколько добрых слов и ласково посмотрел, а я расплавилась, пришпорила воображение – и понеслась! Жертва эскапизма. Как долго я размышляла об этой поездке, боялась, переживала. А увидела ВМ и замерла от восторга. В сладком сне я не могла себе представить, что такой мужчина будет держать меня за руку, предлагать бокал с шампанским и говорить комплименты...»

– Все, надо бежать, а то я не успею проводить, несчастного Батурского, – вслух сказал Андрей, решительно спрыгивая с высокого табурета.

От стойки за ним неся долгий теплый взгляд.

– Какой он красивый! И большой. И такой молчаливый! – тихо выдохнула не улыбаясь девица, полируя губкой пластиковую поверхность стойки.

– Да, хорош. Он часто сюда заходит, – поддержала ее другая официантка.

Глава 10

Ослепляющее солнце в ярко-синем небе дышало последним октябрьским теплом, желтая осенняя листва отливала золотом, ветки клена матово светились красным бархатом – природа словно хотела соответствовать богатству похорон. Кипенно-белое кружево теснилось, ограниченное полированным деревом гроба, металл ручек вспыхивал в солнечных лучах, алели бутоны свежих роз, пылали гвоздики на длинных серо-зеленых стеблях – и все это великолепие было абсолютно не нужно Глебу Батурскому, который скромно и грустно лежал в своем новом жилище и готовился навечно уйти под землю.

Андрей жадно обыскивал взглядом плотные торжественные ряды провожающих, пытаясь обнаружить на лицах дам и мужчин, шикарно разодетых в черное,

следы подлинного горя. Толпа непринужденно обменивалась замечаниями, сохраняя для приличия видимость опечаленности моментом, но невооруженным глазом было видно, что здесь никто не собирается стенать от горя и рвать на себе волосы. Глеб Батурский дал повод собраться и поговорить, и лицемерно-скорбная компания с благодарностью использовала дарованную возможность.

Пряжников удачно пристроился в арьергарде у двух толстых красавиц в черных шляпах и очках и прилежно внимал их репликам, кладбищенская атмосфера не мешала им с убийственным азартом предаваться сплетням.

– Ты только посмотри, какой у нее костюм! Невероятно, сколько же это стоит? И хотя бы всплакнула для приличия! – Ароматная толстушка, обернутая в тридцать метров черного шифона (невзирая на открытый гроб и лишние килограммы, ей удалось выдержать в наряде необходимую по модным стандартам прозрачность), терроризировала взглядом Виолу Батурскую.

– А что ей плакать? Они же почти год как в разводе. – От второй разговорчивой красавицы пахло не менее приятно, и она также светилась белым телом под прозрачной тканью.

– Не в разводе. Глеб так и не дал ей развода.

– Да знаю я.

– Уж как она ни вымогала из него этот развод...

– Глеб, наверное, не хотел с ней судиться из-за раздела имущества. Уж она бы потрясла его основательно, оттяпала бы денежек!

– Да ничего бы она не оттяпала. У Глеба не больно-то оттяпаешь. Крут и неприступен. Если бы были дети, то можно было б на что-то рассчитывать. А так...

– Но все же он не давал Виоле развода. Почему тогда? Значит, что-то его останавливало? Точно я тебе говорю, из-за денег. Виолка наняла бы свору адвокатов, предстала бы замученной жертвой домашнего террора, сочинила бы справку из психбольницы, что у нее развился невроз из-за поздних возвращений

Глеба с работы, и вообще приехала бы в инвалидной коляске – и отсудила бы себе миллиончик-другой долларов.

– Ну, возможно...

– А теперь... Интересно, что он оставил Виоле? А вдруг он в завещании все отписал своей проститутке?

– Не может быть. А если нет никакого завещания? Тогда Виола как жена урвет сладкий кусок.

– Она и так не бедствовала. Глеб ежемесячно отстегивал ей столько, сколько ты не заработала на своих трех последних сделках.

– Деньги деньгами, а позору-то! Я бы умерла со стыда, если б мой муж на глазах у всей престольной путался с девкой. Ну Глеб, всех удивил! Куролесил бы тихо, в подполье, кто бы его осудил за это? А он таскал ее за собой по всем приличным парти, смущая благородное общество. Помнишь, у Клименковых случился удар, когда он заявился под ручку со своей проституткой. А там – и посол, и нобелевский лауреат, они своей печени не пожалели, чтобы собрать изысканный контингент, блеснуть перед всей Москвой, а Глебушка, шутник, привел Веронику.

– Смех! Клименкова вытерла челюстью паркет в своей гостиной – не могла сказать ни слова минут десять, я внутренне погибла от смеха.

– Да, в этом плане Виоле не повезло, Глебу-то никто, конечно, и слова не сказал о его аморальном поведении, все шпильки доставались Виолке.

– Бедняжка – полгода у всех на устах. Тема номера, хит сезона – прекрасная Виола брошена ради проститутки.

– А ты хочешь, чтобы она лила потоки слез над прекрасным телом Батурского? Единственная эмоция, на которую она сейчас способна, – буйная радость по поводу освобождения от супружеских пут.

– Жаль, что эта знойная Вероника не пришла на похороны. Стояла бы сейчас рядом с Виолой.

– Комедия!

– Думаю, мертвый Батурский ее интересуется мало.

– Наверное, Вероника уже нашла себе нового спонсора. И все же, зачем Глеб это сделал? Я имею в виду самоубийство.

– В одной газете я прочитала, что это было убийство, неумело замаскированное под самоубийство.

– Да что ты?!

– Угу. Порешил кто-то нашего красавца.

– Да... Слишком большими деньгами он оперировал. Когда речь идет о таких громадных суммах, всегда найдется место криминалу. Виола теперь ежедневно будет принимать ванну из шампанского.

– Стоило несколько месяцев потоптаться на собственном самолюбии, чтобы сорвать такой куш. Она, наверное, и не сомневается, что все состояние Глеба достанется ей, – посмотри, какие похороны! Восточная роскошь! Или хочет пустить нам пыль в глаза, мол, он меня полгода позорил, но я выше этой грязи?

– Ты с Луны свалилась, что ли?

– Почему?

– Да Виола не истратила на похороны ни копейки!

– Откуда тогда все это погребальное великолепие?

– Ты словно не в Москве живешь! Ничего не знаешь! Похороны Батурского полностью организованы на деньги Славы Куницына. Посмотри на него! Вот уж

кто действительно опечален кончиной Глеба! Друзья были – не разлей водой. А Виола потратилась лишь на черный костюм от Ферре...

– Ну, тоже значительная сумма.

Андрей перевел взгляд с жены Батурского на высокого мужчину лет пятидесяти, который стоял рядом и поддерживал ее под локоть. Слава Куницын, лучший друг Глеба, был почти единственным человеком на траурной церемонии (дамы бомонда превратили ее в полезное шоу с демонстрацией нарядов и шляп), не прятавшимся за черными стеклами очков. И в его глазах Андрей увидел искреннее страдание и горечь.

«Куницын. Надо запомнить. Навещу его», – думал Андрей, пробираясь к выходу. С Глебом было покончено, и убитые горем коллеги и знакомые оживленно устремились к многочисленным автомобилям, предвкушая плотный обед.

Измученная и несчастная Виола утомленно висела на руке Вячеслава Матвеевича, предоставляя ему отличный шанс продемонстрировать свою любовь.

– Я устала. – Виола свалилась в кресло и, проделав сложный пируэт ногами, сбросила туфли. К шпилькам прилипли комочки земли с кладбища. – Какие все лицемеры. О, бедный, бедный Глеб! Эти фальшивые сочувственные взгляды невыносимы. Ничтожества. Им дела нет, что Глеб погиб, рады позубоскалить за спиной и обсудить меня. Отвратительная публика, ты согласен, Слава?

Несмотря на яростное содержание, короткая речь была произнесена Виолой нежно и умиротворенно, ее очаровательное лицо не исказила гримаса отвращения, даже в негодовании она оставалась непоколебимо женственна.

Не снимая плаща, Вячеслав Матвеевич опустился в соседнее кресло.

– Мне нужно заехать в офис. Я могу оставить тебя?

– О, Слава... Я...

– Ты в порядке?

Виола расстроено посмотрела на Куницына. Ее жалобный взгляд говорил о том, что ей очень, очень необходим сейчас рядом преданный утешитель в лице президента нефтяной компании, но если ему так незамедлительно требуется уехать, она – мужественная девочка – как-нибудь справится со своим горем.

– А потом? Ты заедешь ко мне? Возлюбленная Виола, такая утонченная и чувствительная, никак не понимала, что поездка в офис была простой отговоркой, что им сейчас необходимо расстаться, и пыталась соблазнить Куницына ночным визитом. Вячеслав Матвеевич усмехнулся.

Свежепохороненный Глеб даже из могилы продолжал контролировать его поступки, взывая к привычной Куницыну порядочности и честности. Вячеслав Матвеевич не мог, вернувшись с кладбища, где он только что закопал в землю единственного друга, пусть даже предателя и вора, остаться с его женой, пусть даже и бывшей.

– Нет. Я не заеду.

– Слава... Я так тебе благодарна... За твою поддержку. За то, что ты все организовал. Спасибо.

– Не благодари меня, – дернулся Куницын. – Я выполнил свой долг. – Он поднялся с кресла.

– Тогда завтра, Слава, я тебе позвоню? – Виола тоже встала. – Ты будешь очень занят? На работу или домой?

– С семи утра я буду в офисе.

– О... Какой у тебя график! А я в семь утра, несомненно, буду в кровати.

На прощанье Виола немного подержала Куницына за руку и целомудренно чмокнула его в щеку. Куницын безжизненно улыбнулся.

Едва дверь за спиной Вячеслава Матвеевича закрылась, Виола преобразилась. Она словно подзарядилась энергией от невидимого источника. Она взяла в руки портрет Глеба с траурной ленточкой в уголке и несколько минут вглядывалась в холодное изображение со сдержанной ненавистью.

– Я все-таки победила! – торжествующе улыбаясь, сказала Виола и потянулась за телефонной трубкой. Дозвониться удалось не сразу. – Кари, это я. Ты с кем-то разговаривал? С кем? Я пятнадцать минут была вынуждена давить на кнопки. Приезжай сейчас. Постарайся, чтобы тебя никто не видел. Да, конечно. Да, на всю ночь. Приезжай. Жду.

Виола снова посмотрела на фотографию бывшего супруга.

– Понятно? – с вызовом сказала она изображению Глеба. – Где ты сейчас? Вот именно! А я сейчас здесь, живая и красивая, в квартире, где все куплено на твои деньги. И знаешь, чем я собираюсь заняться? Тем, в чем ты не блистал. Я тебя не-на-ви-жу.

Ядовито улыбаясь, Виола отодвинула ящик комода, швырнула в него портрет и с грохотом задвинула ящик обратно. Она отправилась наверх принять ванну и переодеться, и весь ее вид говорил о том, что она пребывает в чудесном расположении духа...

...Куницын ехал домой по вечерней Москве.

«Ты получил то, что хотел, – думал президент „Ойлэкспорт интернешнл“, твердой рукой удерживая руль шикарного „ягуара“. – Глеб наказан, ты отомщен. Но почему же так тоскливо на душе?»

Глава 11

– Ну, друг, я не знаю, где еще искать.

Таксист нарезал уже пятый круг по микрорайону, в недрах которого скрывалась 379-я школа. Были опрошены три ребенка, мадам с мусорным ведром и свинцово-фиолетовый мужичок в спортивных штанах с лампасами. Все они давали очень дельные советы «проехать под той трубой», «свернуть налево и до красного рекламного щита», «спросить кого-нибудь еще», но требуемое здание так и оставалось ненайденным. Упорный таксист мужественно вел вздрагивающую машину по светло-коричневым барханам засохшего песка и

глины, прыгал в коварные выбоины, на цыпочках крался по шатким мосткам через многочисленные разрытости новостройки и то и дело оглядывался на пассажира, который сидел сзади. Пассажир стойко выносил превратности бездорожья и жуткие показания обалдевшего счетчика – он просто не отрывал глаз от пачки разрозненных бумаг, увлеченно вчитываясь в текст.

– Детектив, что ли? – предположил водитель.

– Ну, – кивнул Андрей. – Детектив.

– Перепечатка, что ли? А кто автор? – не унимался общительный таксист. – Люблю закрученные истории.

– Алена Дмитриева, – неприветливо буркнул Андрей.

– Баба! М-да... Дамочки закатали рукава и давай рубить персонажей в капусту. Дмитриева. Не знаю такую. Надо будет поспрашивать в киосках.

– Вам понравится.

Таксист круто взял вправо, машина дернулась, Пряжников впечатался своей симпатичной физиономией в стекло, но не обратил на это никакого внимания. Загадочная девушка Алена вот-вот должна была потерять невинность, и сыщику некогда было тратить время на пустые разговоры с шофером. Андрей искренне надеялся, что страница дневника с описанием этого важного жизненного события не окажется вырванной...

«...Целую неделю. И для меня было совершенно неожиданным, что я заскучала по своим головорезикам. Сегодня я упаковала сто миллиардов рублей, не меньше, нет, триллион рублей – сортирую купюры, складываю их „голова к голове“, потом – в счетную машинку, обматываю бумажной лентой, затягиваю, приклеиваю кончик, ставлю штамп – и так несметное число раз, словно джек-лондонский „Отступник“, – экономя каждое движение и оттачивая их до виртуозности. К концу дня пачки денег вылетали из-под моих рук как пули, я достигла вершин мастерства в упаковке и загрустила. Вспомнила пятиклашек, как они доверчиво смотрят на меня, внимая каждому слову, задают наивные вопросы, Агафонов уже сполз под парту и засовывает живую мокрицу в портфель Коляскиной... Да, с детишками было гораздо веселей, чем с машинкой

для счета денег. Но теперь у меня стабильная и огромная зарплата. Даже не представляю, что пройдет еще две недели, и я буду держать в руках такое невероятное количество драгоценных бумажек, на которые можно купить все на свете! Работа – не уму и сердцу, а только телу. Почему нельзя иначе – чтобы и сердце радовалось, и голове интересно, и тело не обижено. Наверное, у кого-то есть такая работа. У Ольги, например. Она обожает иностранные языки, ее приглашают в качестве переводчика и платят за это хорошо. Свобода в материальном плане и плюс к этому – постоянное общение с интересными людьми, знакомства. Конечно, дело не только в знании языков, Ольга сама по себе очень коммуникабельный и общительный человек, и очень хорошенькая, ее записная книжка ломится от телефонов, а я, наверное, если бы даже работала переводчиком, а не учительницей и кассиром в банке, все равно не возбудила бы ни в ком желания познакомиться поближе. Недавно я выяснила, что Ольга активно изменяет своему Роману. Вот почему она неохотно приглашает меня к себе! Я ворвалась к ней с радостным известием о новой работе, а из спальни вывалился молодой человек настолько же симпатичный, насколько скудно одетый. „А что Роман? – раздраженно ответила Оля на мой недоуменный вопрос. – Вот женится на мне, тогда я буду образцовой женой, неприступной, как бронированный автомобиль. А пока – я свободна!“ Ольге не понравилось, что ВМ устроил меня в банк. „Быть кассиром – не для тебя! – воскликнула она. – Тупая работа“. Зато хорошо оплачиваемая. „И я бы ни за что не унилась перед мужчиной, который меня бросил. Зачем ты просила его об одолжении?“ Ольга, как всегда, права. Когда я вспоминаю о своем визите в контору ВМ, мои щеки приобретают оттенок вишневой настойки. Но когда я извлекаю из памяти другие воспоминания – о двух токийских неделях, нет мыслей приятней. Как же ВМ смог меня оставить после того, что было? Как снова хочется быть рядом с ним! Уткнуться в его шею, почувствовать его запах, прижаться к груди. И сделать ему какую-нибудь гадость. Странно, но, думаю, я с одинаковым удовольствием целовала бы его и, к примеру, подожгла бы его офис. Испытываю к ВМ смешанные чувства – любовь пополам с жадой мести! Ольга говорит...»

«Достала со своей Ольгой!» – передернулся Андрей. Ему давно уже стало ясно, что Ольгу следовало бы клещами вырвать из Алениной жизни. Как больной зуб. Но Алена, очевидно, считала подругу своей путеводной звездой и мудрой наставницей.

«...Скромный презент, по его выражению. А на самом деле совсем не скромный, а безумно дорогой: флакон духов, который (я видела в маленьком магазинчике на первом этаже гостиницы) стоит около четырехсот долларов. Но самое милое, на коробочку духов ВМ прилепил маленького, в половину ладони, мишку. У него

синяя клетчатая кепочка, грустная мордашка и крошечный гофрированный фонарик в лапах. На фонарике что-то написано иероглифами, наверное, какое-то пожелание. ВМ деликатно не стал травмировать меня, неопытную девушку, интимными подробностями своего телосложения, и я увидела только его торс. Надо сказать, несмотря на 47 лет, он в отличной форме – похож на Форда в фильме „Беглец“. Я лежала под одеялом по стойке „смирно“, как солдат-новобранец, не смея шевельнуться. ВМ тут же приступил к делу, от него очень вкусно пахло, и он был горячим и приятным. После шестнадцатого поцелуя я немного осмелела и обняла его за шею. Когда ВМ обнаружил, что для достижения его сладострастной цели в моем организме существует некоторое препятствие, он невероятно удивился. „Как же так?“ – воскликнул он, отодвигаясь от меня. Наверное, я покраснела. „Милая моя, – нежно проворковал ВМ, – я буду предельно осторожен...“

На этом описание первой ночи Алены и таинственного ВМ обрывалось.

– Где продолжение?! – гневно вскричал неудовлетворенный сыщик. – Почему я должен довольствоваться какими-то обрывками! Я отказываюсь вести следствие в таких условиях!

Таксист от неожиданности вздрогнул, прижался к рулю и с опаской посмотрел назад.

– Ты чего, браток? – осторожно спросил он. Ответом ему был шелест переворачиваемой страницы.

«...Потом звонила Ольга. Роман работает с японцами по другой программе, они сейчас в Осаке. Ольга завуалированно интересовалась, нравится ли мне секс с ВМ. Не пришлось насиловать себя, чтобы ответить „нравится“. ВМ чудесен. И секс чудесен. Сегодня у нас была неофициальная вечеринка с японцами. Посетили ресторан „Сябу-сябу“, где готовится фирменное блюдо с таким же смешным названием. Красивая официантка-японка в кимоно и с изысканным макияжем (в Москве такой делают в самых дорогих косметических салонах) сидела за нашим столом и деревянной палочкой опускала в кастрюльку с бурлящей водой огромные простыни искусно нарезанного мяса (не толще бумажного листа). Мгновенно извлекала мясо обратно, поливала соусом со специями, и мы ели его с необычным гарниром: странные, незнакомые овощи, какие-то маленькие поганочки... Но очень, очень вкусно. Я лопала, как жертва экономической реформы, а японцы смотрели на меня и млели от удовольствия.

Потом ВМ сказал, что партнерам я понравилась своей гастрономической раскованностью – смелой готовностью пробовать неизведанные блюда. А я и в другом становлюсь раскованной! Постепенно. Сегодня ВМ предложил мне поменяться ролями и взять инициативу в свои руки. После сакэ – выпила немного в ресторане – я ощутила необычный прилив вдохновения и смелости. В самую волшебную секунду я случайно оглянулась и увидела себя в зеркале – волосы растрепаны, глаза горят, щеки пылают, грудь прыгает, как взбесившийся теннисный мячик, – и первый раз в жизни мне понравилось мое отражение. И ВМ не смог сдержать эмоций и, полагаю, сильно напугал соседей своим рычанием. Нет, не буду описывать, а то получается порнографический роман, а не дневник...»

Андрей застонал. Ему страстно хотелось продолжения рассказа, но страница (и Аленино желание описывать чудесные мгновения) закончилась.

Водитель больше не оборачивался.

«...Ольга меня назвала дурой. Она сказала, я не имею никакого права даже мечтать, что ВМ проявит ко мне интерес после возвращения из Токио. Но ведь она не знает, какие нежные отношения установились у нас за эти две незабываемые недели. Неужели я действительно обыкновенная, наивная дура? Ольга говорит, что жена ВМ – роскошная светская дама, богатая, великолепно образованная, каждый месяц выезжает за границу на всякие там симпозиумы. И любит мужа. И сам ВМ – отличный семьянин. Развлекся, встряхнулся в Токио и вернулся к прежней жизни – размеренной и привычной. Чего я только не нафантазировала в последние наши дни в Японии. ВМ был так нежен, нам было так хорошо вдвоем, он шептал мне на ухо, что я незабываемая женщина. И я вообразила, что это что-то значит! Что он разведется с женой! Глупая! Он вернулся в Москву, и я вернулась в Москву и снова каждый день хожу в ненавистную школу терзать учеников-оглоядов. Унылые, скучные дни. ВМ ни разу не позвонил. Конечно! Как мне соревноваться с его красавицей женой. Ольга говорит, я в подметки не гожусь ей. Рядом с ней я последняя уродина. Но почему же ВМ не скупился на комплименты? Неужели у мужчин так принято? Или из элементарной вежливости?..»

– Вот твоя школа, шеф! – радостно объявил таксист.

Вожделенная цель упорных поисков – типовое панельное здание, стояло на самой окраине микрорайона, окруженное несметными полчищами

шестнадцатизажек-близнецов.

– Командир, сдачу-то возьми! – крикнул таксист, но Андрей уже мчался по золотисто-лимонной тополиной аллее по направлению к школе. – Псих какой-то! – недоуменно резюмировал таксист. – Но бывают клиенты и хуже. А книжку надо поискать.

Алена Дмитриева...

Женщина имела все атрибуты добропорядочной школьной учительницы: очки, лоб с залысинами, изрезанный меж бровей вертикальными морщинками, высокая дуля-шиньон, строгий костюм и дурной голос.

– Агафонов! – орала она. – Агафонов! Стекла всего первого этажа дребезжали, а люстра ходила ходуном от пронзительного визга Элеоноры Алексеевны, завуча 379-й средней школы.

– Молодой человек, вам чего? Учительствующая дама строго посмотрела на Андрея, в мгновение ока изрешетив его убойным взглядом недобрых серых глазок. Андрей опасливо потрогал нос и уши, проверяя, не отвалились ли они, и представился.

– И что вам у нас надо? – резко спросила женщина. – По какому вопросу?

– Я хотел бы поговорить об Алене Дми...

– Агафонов!!! Агафонов! Подойди сюда!

Маленький Агафонов – круглые глаза, нос-кнопка, вихры – нехотя подтащился к начальнице, предусмотрительно остановился на безопасном расстоянии и теперь взирал на нее снизу вверх откровенно скучающим взглядом. Андрей с интересом оглядел легендарного Васю, которому было посвящено столько горячих строк в Аленином дневнике.

– Агафонов, ты почему хромаешь? – Несмотря на близость допрашиваемого объекта, завуч продолжала орать так, словно у нее бензопилой вырезали аппендицит.

– Ленин на ногу упал, – хмуро объяснил Агафонов.

– Вот, Элеонора Алексеевна, полюбуйте, – бодро вклинилась в разговор яркая высокая девушка, очевидно, училка новой формации – в короткой юбке и карнавально-разноцветной блузке. У нее тоже была дуля на голове, но совсем не такая прилизанная и унылая, как у завуча, а огненно-красная, немного растрепанная, броская. – Залез в подвал, уронил на себя скульптуру, то есть бюст Владимира Ильича...

– Агафонов, ты зачем полез в подвал?

Яркая девушка снова опередила Васю, который явно не собирался компрометировать себя разговором с воинствующей завучихой.

– Ясное дело зачем, Элеонора Алексеевна! За мокрицами. Вот, смотрите!

Медноволосая красавица взяла Агафопова за безвольно повисшую руку, разжала маленькую ладонь и продемонстрировала начальнице баночку из-под крема «Калодерма». Девушка хладнокровно открутила крышку и сунула коробочку, наполненную серыми насекомыми, прямо под нос Элеоноре Алексеевне. Та забила в истерике.

– Уберите! Уберите, Аделина Максимовна, сейчас же! Агафонов! Чтобы завтра твои родители были в школе. Ясно? Без родителей в школу не приходи!

– Как же! – угрюмо огрызнулся Вася. – Папаня в кругосветке, мама с маленьким ребенком зашивается. Некогда ей вашими проблемами заниматься.

– Ты как разговариваешь со взрослыми? – взвилась Элеонора Алексеевна. Васю, Андрея и Аделину отбросило к стенке взрывной волной.

– Иди-ка ты, Агафонов, в класс, – миролюбиво сказала секс-бомбочка Аделина. – Вы не расстраивайтесь так, Элеонора Алексеевна. Мокрицы – это детский лепет по сравнению с выходкой Федяева из девятого «В». Федяев проявил уникальные конструкторские способности и смастерил бомбу: магниевая стружка и марганец в баночке из-под валидола. Слава Богу, хватило ума не взрывать прямо в классе, поджег на задах инструментального сарая. Дворник, который имел несчастье в

этот момент оказаться внутри чулана, лежит с сердечным приступом. А Салиуллин из шестого «А» подпилил петли у боковушки классной доски – я хромала две недели. Мокрицы – это милая шалость.

– Вечно вы, Аделина Максимовна, всех закладываете, – как-то тепло и беззлобно сказал Агафонов. Видно, за красоту и молодость очаровательной Аделине многое прощалось. – Повторите, кстати, про бомбу, я хочу законспектировать. Магниева стружка и марганцовка? В каком соотношении?

Вместо конспекта Агафонов получил от Аделины смачный подзатыльник. Когда Вася испарился, разгневанная Элеонора сделала попытку увлечь за собой длинноногую учительницу, наверное, для конфиденциального разговора, но сыщик, как ненормальный, замахал руками, сделал в воздухе сальто в два оборота с тремя винтами, и его наконец заметили.

– Ах, вы... Я о вас совсем забыла, – процедила Элеонора Алексеевна. – Вы спрашиваете про Алену Николаевну. Что можно сказать? Незаурядный педагог, надежный товарищ, истинный друг своих питомцев, скромная, отзывчивая, вежливая, культурная, разносторонне образованная, постоянно стремившаяся повысить уровень своей квалификации. Весь коллектив нашей школы искренне сожалел о ее уходе. Но ее тоже можно понять. Она не замужем, одинока, ей необходимо как-то себя обеспечивать. В банке, я уверена, ей платят в несколько раз больше. Вот Аделина Максимовна как раз сможет вам помочь – расскажет про Алену Николаевну подробнее. Но пожалуйста, не затягивайте вашу беседу, скоро кончится большая перемена.

– Ах как чудесно! У меня окно. – Красноволосая Аделина с готовностью вцепилась в рукав Пряжникова. – Идемте в актовый зал. Что конкретно вас интересует? Как вообще дела у Алены? Почему она так давно нас не навещала?

Глава 12

Дирли-Ду смотрела в зеркало и улыбалась. В этом месте, которое она заняла в дорогой, шикарной парикмахерской, выгодно падал свет, и Дирли-Ду разглядывала отражение и слепла от своей божественной красоты. Аквармаиновые глаза мерцали, рыжие волосы блестели на солнце.

Упитанная, тугощекая парикмахерша, лишенная, несомненно, чувства прекрасного, запустила обе руки по локоть в фантастическую гриву Дирли-Ду, непочтительно вытянула из прически несколько длинных вьющихся прядей и стала придирчиво их разглядывать.

– Осторожнее, мне больно! – недовольно крикнула девушка.

– Я не понимаю, мой золотой, куда интенсивнее? – спросила парикмахерша. – И так ярко.

– Как вы не понимаете? Еще интенсивнее, еще ярче, еще насыщеннее. Отбросьте сомнения, вскрывайте коробку.

– Ну ладно. За последствия я не отвечаю.

Парикмахерша, несмотря на гестаповские замашки, оказалась неплохой женщиной. Пока Дирли-Ду, обмотанная фирменной резиновой простыней и измазанная краской, сидела с «Космополитэном», шевелюрная мастерица, неверно оценивая времяуничтожительные способности журнала, считала своим долгом забавлять дорогую клиентку милой беседой:

– Грибы, мой золотой, накапливают тяжелые металлы. Вот почему много отравлений. В этом году, кажется, уже сто шестнадцать смертельных случаев. Грибы мутируют из-за дикой экологической обстановки, даже благородные приобретают качества бледной поганки. Опасно есть также и морепродукты. Конечно, они содержат бездну витаминов и микроэлементов, но ведь всасывают из океана и массу токсичных веществ. В «Известиях» прочитала – тунисская фирма поставила нам свежемороженых осьминогов. И что? Большая концентрация мышьяка! Отравы! А о коровьем бешенстве я вообще молчу. Мясо есть нельзя – это однозначно. Зараженное мясо английских коров, запрещенное к ввозу в другие страны, конечно же благополучно достигло России. Прион – прион? Да, кажется, прион – не уничтожается при кипячении, накапливается в организме и вызывает так называемое «размягчение мозгов». А вы покупаете лимонад в пластиковых бутылках? Зря. Не рекомендую. Эти бутылки изготовлены в основном из поливинилхлорида, а одной молекулы теоретически достаточно, чтобы запустить в организме человека раковый процесс. Огромную опасность несет вода – водопроводная и в открытых водоемах. То и дело регистрируются вспышки менингита, а про холерный вибрион я не говорю –

плещется и резвится в наших реках, как на курорте. Мебель, самая обычная домашняя мебель выделяет формальдегид. Но самое страшное – это полициклические ароматические углеводороды. Ими пропитан воздух. Я уже давно перестала дышать на улице. Ну, мой золотой, пора смывать краску. Кажется, получилось неплохо...

Парикмахерша закручивала на бигуди волосы синей от страха Дирли-Ду.

– Сейчас подсушим, и будет прекрасно. Держи обязательно, мой золотой, ноги на резиновом коврике. Одну женщину долбануло. Не откачали. Поэтому под каждой сушилкой – резиновый коврик.

Через десять минут полумертвая от пережитого ужаса, но совершенно невредимая Дирли-Ду была вынута из-под жужжащего колпака и причесана.

– Великолечно! – заявила добрая парикмахерша. – Чудесно! Но когда экспериментируешь с волосами, то время от времени надо проходить курс лечения репейным маслом. Иначе волосы выпадут подчистую, будешь как бритый еж – ведь это все химикаты, опасные для здоровья... Обновленная и прекрасная Дирли-Ду вышла из парикмахерской на улицу. Солнце ярко и легкомысленно сияло, не понимая, какими чудовищными опасностями наполнена человеческая жизнь.

– Как ты смотришь на то, чтобы на пару деньков съездить в Вену?

Дела занесли Романа Шухова в Ганновер, и сейчас они ехали с Олей по центральным улицам города, высматривая симпатичное местечко для быстрого обеда.

– А, Олик? Алешка пригласил нас, поедem вчетвером – мы и он со своей девушкой.

Оля капризно сморщила носик:

– О, с ними! Опять эта молодая дурочка Дебора будет показывать стриптиз, трясти голыми ягодицами и строить тебе глазки!

– Ну надо же! Ты ревнуешь меня к этой маленькой глупышке? Попка у нее очаровательная, согласен. Но Алекс Дебору уже куда-то сплавил. Теперь у него какая-то бледнолицая англичанка. Дороти, что ли. Тоже штучка, надо признать. У Алехи отменный вкус.

– Ты так хвалишь его девиц. Можно подумать, ты чем-то обделен.

– Не дуйся, лапусик. Я ничем не обделен. Тебя, кстати, Алексей оценил очень высоко. Твое лицо, волосы, плечи, грудь, бедра, попку, ноги.

– Вот негодяи! – взвилась Ольга. – Вы обсуждали меня!

– Не скандаль, – улыбнулся Роман. – Я тебя не обсуждал. Алешка сказал, что ты девочка суперкласса, а я должен был ему возразить?

– Не должен, не должен, – огрызнулась Оля. – Вот симпатичный рестораник. Давай попробуем здесь.

Машина остановилась.

– Знаешь, Рома, – начала Ольга уже совсем другим тоном и голосом, нежно, мягко, застенчиво, – я вчера в одном магазине видела платье. Такое чудесное! Белоснежный шелк с вставками из какого-то необычного материала, здесь все по фигуре, а здесь – вот такой вырез.

– Сколько?

– Нет, я не про то, я и сама его могу себе купить, дело не в деньгах. Понимаешь, это подвенечное платье.

Оля тронула Романа за руку и заглянула ему в лицо.

– Тогда надо брать, – деловито отозвался Шухов, раскрывая меню. – Что мы закажем? Будешь свиную ножку?

– Ты считаешь, что мы могли бы купить мне подвенечное платье? – осторожно спросила девушка, задерживая дыхание.

– Почему нет? Закажем тогда свиные ножки и португальский апельсиновый салат, хорошо?

– Значит, ты не передумал жениться на мне? – игриво и якобы непринужденно заметила Оля, с трепетом ожидая ответа.

– Нет, не передумал. Вот окончательно встану на ноги, сколочу состояние, и мы с тобой поженимся. Я человек основательный, ты знаешь. Когда смогу гарантировать тебе и нашим будущим детям стабильную, обеспеченную жизнь, то... Фройлейн, битте...

Утомленная девичеством Ольга сдержанно вздохнула. Эту фразу она слышала не раз. Слова Романа, лишенные конкретности, не убивали надежды, но и не приносили удовлетворения.

Через пару минут аккуратная страшенькая фройлейн ковыляла к их столику, сгибаясь под тяжестью двух гигантских тарелок – на них, обильно и разнообразно оформленные гарниром, дымились свиные окорока чудовищных размеров. Роман удовлетворенно втянул в себя воздух, наклонившись над своим блюдом, и ловко подцепил вилкой маленький огурчик.

Глава 13

После своего первого визита к Алениной сестре детектив Пряжников поклялся, что в его семье будет не более двух детей и не менее пяти комнат.

Сейчас он осторожно подбирался к мысли, что вполне достаточно иметь одного ребенка и хорошо было бы ему появиться на свет сразу восемнадцатилетним и жить отдельно от родителей.

Кудрявая Маша строила дом из дээспэшных плит, в которые, очевидно, раньше была упакована новая стенка. Сама стенка, матовая, темно-коричневая, не до конца собранная, возвышалась в комнате, по всей квартире валялись картонные коробки и мятая оберточная бумага. Внезапно возросший (по сравнению с первой встречей) уровень благосостояния бил в глаза. Наблюдательный сыщик

сразу выхватил взглядом новенький моноблок «Сони» и толстый ковер. В коридоре приткнулась сверкающая газовая плита «Бош», задрапированная в полиэтиленовую пленку. Упаковки памперсов были сложены в высокую пирамиду.

– Мы тут немного обустройстваемся, – смущаясь, сказала Ирина. – Вы что-то узнали про Алену?

Машин домик развалился, под обломками едва не погиб котенок. Непутевая строительница громко зарыдала, овчарка вторила ей протяжным воем, потом к хору подключился голосистый младенец. У Андрея шевелились волосы на голове.

– Я только хотел узнать у вас про Аленину подругу Ольгу. Скажите, где она живет? Эта девушка была бы мне очень полезна...

Разговор в школе с длинноногой учительницей Аделиной не принес результата. Красотка Аделина с приятной готовностью поддерживала диалог, красиво сидела на стуле, поправляла медно-красные волосы, бросала на симпатягу Пряжникова заинтересованные взгляды, но оказалась абсолютно бесполезна.

Она не знала никакой Ольги, и все, что детектив смог из нее вытрясти, – сообщение, что Алена Дмитриева была чудесной девчонкой.

Теперь Андрей с надеждой смотрел на взмыленную Ирину. Ирина реанимировала котенка и успокаивала Машу, собаку и младенца.

– Ольга? Да, есть у Алены какая-то Ольга. Она что-то мне про нее говорила. Она работает стюардессой...

– Переводчицей, – подсказал Пряжников.

– Ах, точно, переводчицей... Но я никогда ее не видела. Даже не знаю, как она выглядит. И где живет. Ничего про нее не знаю. Извините, пожалуйста.

– А не говорила ли она вам о знакомом с инициалами «ВМ»? – уже без надежды спросил Андрей.

– И пояснил:

– О ком-то, кого зовут на «В» и отчество или фамилия на «М»?

– Э... Нет, не припомню. Вы не обижайтесь, что я ничего не знаю. Алена, она такая скрытная!

Раздосадованный сыщик направился к двери. Второй раз он уходил ни с чем.

...Сюзанна Эдмундовна лежала в кровати рядом с любимым мужем и задумчиво рассматривала свой новый маникюр. Муж Бронеслав читал газету.

Сейчас Сюзанна Эдмундовна избавила лицо от бремени косметики, и ее возраст читался явственно – сорок четыре года, но это не делало ее менее привлекательной.

– Сюза, – пожаловался Бронеслав, – защиту снова отложили. Отечеству теперь не до науки.

– Просто ждут очередную взятку, подлецы, – разумно заметила Сюзанна Эдмундовна. – А у меня дела еще хуже. Вчера я не успела рассказать тебе об этом. Пришел клиент, молодой перспективный парень, я оценила его возможности не менее чем в тысячу баксов, полчаса била копытами гопак, танцевала па-де-де из балета «Корсар», едва шкаф не снесла, а он оказался сотрудником угро.

– Да ты что?! – испугался Бронеслав.

– Представляешь? – обиженно взглянула на мужа Сюзанна Эдмундовна. – Кто-то грохнул Веронику и любовника ее, а этот мужественный и весьма сексапильный юноша ведет следствие. Я не раз говорила Веронике: никаких длительных связей с клиентами.

Отработала, деньги получила – и забудь. Но девчонки все без царя в голове. Начинают мечтать, строить иллюзии, собираются замуж. Да какой порядочный банкир возьмет в жены проститутку? Никакой. Ни банкир, ни крупный бизнесмен, никто. Если только позарится паршивенький иностранец-бирюк, не

способный удовлетворить запросы соотечественниц и поэтому устремившийся в Россию. Кстати, Веронику убили – это раз. Три девицы поднапряглись и сбежали в Америку – это два. Одна подхватила сифилис, пришлось уволить. Фронты катастрофически оголены. Требуется новое вливание.

– У меня в институте есть пара девчонок. Веселые, фактурные, не обремененные, я думаю, излишней порядочностью. Чудесная зеленоглазая татарочка, а вторая, русская, вообще прелесть. Думаю, они захотят подработать.

– Тогда я на днях подкараулю их возле института. Знаешь, Слава, хотя Вероника и была самой породистой и выносливой лошадкой в моей конюшне и приносила больше всех дохода, но я даже рада, что теперь избавлена от нее. Как-то беспокойно было с ней. Такая красота, такая дьявольская сексуальная притягательность до добра не доводят.

– Мужики сходили с ума, рвали ее на части, а тут еще этот ее постоянный любовник-банкир, на которого она тратила уйму времени... Я чувствовала, тучи сгущаются. Буквально месяц назад, в сентябре, приходила ко мне в офис женщина, хотела узнать о Веронике. Тридцати-сорокалетняя девушка из светского общества, несомненно, от нее на три километра пахло громадными деньгами. Мелированная голубоглазая блондинка, утонченная и деликатная, изысканно одетая – такой чудный абрикосовый костюмчик: болеро и маленькая юбка в обтяжку, – интеллигентно предложила мне пятьсот долларов за информацию о Соболевой: сколько клиентов она обслужила, кто они и так далее. Вероятно, жена или подруга одного из Вероникиных бойскаутов.

– И ты удовлетворила ее интерес? – изумился Бронеслав. – Ведь это непредусмотрительно и неэтично!

– Ах какой ты нежный! – вспыхнула Сюзанна Эдмундовна. – А вспомни о размерах своей зарплаты. Полтысячи долларов даром не достаются. Но теперь все в прошлом. Веронику грохнули. Теперь надо только благополучно выбраться из трясины, в которую затягивает мое агентство этот хитрый красавчик, как его, Пряжников...

– А что же с моей защитой, Сюзочка, что же делать?

– Придется снова нежно пощекотать волосатую лапу Петра Ефимовича хрустящей зеленью. Скажем грустное «прости» еще пяти тысячам. Да, наука в кризисном положении, но я спинным мозгом чувствую, что твоя диссертация прекрасна. Ты великолепно защитишься!

– Конечно! После такой существенной поддержки, которую мы оказываем семейному бюджету Петра Ефимовича. Он и не ведает, что денежки, получаемые от нас, заработаны минетом и извращенными формами секса.

– Не утрируй. На извращения мои девочки не согласятся.

– Все равно обидно. Имея готовую диссертацию, в которой я уверен на сто пятьдесят процентов, я должен хитрить и крутиться, чтобы получить вожаденную степень. Никакого уважения к человеку науки.

– Зато какой мы устроим банкет! – мечтательно произнесла Сюзанна Эдмундовна. – В ресторане гостиницы «Фламинго». Там уютный зал и отличный повар. Не плачь, Броник, диссертация никуда от нас не денется. Когда мне подойти к вам на факультет?

Глава 14

Максим имел чрезвычайно надутый вид. Он настойчиво пытался продемонстрировать другу, как ему горько и обидно, но толстокожий слон Эндрю молча вел машину в сторону московского представительства японской авиакомпании и не обращал никакого внимания на гневные взгляды Макса.

– Ты должен попросить у меня прощения, – не выдержал в конце концов раздосадованный журналист. – Ты снова испортил мне охоту. Подмочил порох, сломал ружья, перебил гончих, задушил егеря. В который раз!

– И как мне это удалось? – изумился Пряжников. – Мы с тобой не виделись три дня, а три дня назад, помнится, ты ко мне благоволил, ты меня просто обожал, как бриллиантовый перстень в три карата, как закуску из тигровых креветок, как невинную девочку.

– Нет, Адриано, ты снова перешел мне дорогу. Я тебя ненавижу!

– Ну прости меня.

– Прости. О черт, здесь закрыто. Придется свернуть. А скажи, в чем конкретно я виноват?

– Да все в том же. Давеча взялся я подвезти обольстительного котенка: фигурка, лицо... Мытарилась на остановке после тяжелого рабочего дня в средней школе. Аделина. Улавливаешь суть? Милосердный, сострадательный, человеческий, эмоциональный, я конечно же не мог бросить нимфетку-конфетку умирать в ожидании переполненного автобуса. Раскочегарил красноречие, очаровательно блестел очками, завлекал киску фривольными анекдотами и обсуждением последних столичных новостей. Между делом выяснили, что комбинашки от Мизрахи великолепны, пятиклассники – невыносимы, леопардовый рисунок на нижнем белье подавляет желание, Алек Болдуин – милашка. «Выстрел в упор» – классная газета, а некий М. Колотов – отличный мальчуган, блестящий ньюсмейкер. Пришлось рассекретиться и сообщить девочке, что М. Колотов – это я. Разговор тут же переметнулся на тему, которая последние дни занимает многих: псевдосамоубийство банкира из «Гаранта». Естественно, я, кретин, для красного словца упомянул, что мой близкий друг расследует это дело. Малышка с восторгом сообщила, что и она только сегодня беседовала с одним пинкертоном – высоким, обаятельным, в безумно дорогой рубашечке от Клайна и по имени Андрей Пряжников. Знаком тебе этот гадкий типчик?

– И не такой он гадкий.

– Я, безмозглый недоумок, непроходимый тупица, сразу же заорал: о, какое фантастическое совпадение, моего близкого друга тоже зовут Андреем и тоже – невероятно! – Пряжниковым. И все, Эндрю, все! Настырная дева с меня больше не слазила. Она достала меня своей мольбой свести ее с непередаваемым, обалденным, великолепным А. Пряжниковым. Ну если не свести, то хотя бы сообщить твое местонахождение. Она даже не маскировалась, она не удосужилась для приличия изобразить хоть мизерную каплю интереса к своему собеседнику Колотову. Она рвала на себе одежду и хотела только тебя. Что такое ты делаешь с женщинами?

– И как ты отреагировал на ее просьбы?

– Как? Так. Сказал, что у тебя жена-психопатка, однокомнатная квартира в Орехово-Зуеве, застарелый геморрой и четверо детей-оболтусов, младший из которых еще не родился, а старший уже в зоне усиленного режима.

– Скотина.

– А что? Не мог же я позволить, чтобы эта сдуревшая от внезапной любви училка отвлекала тебя от дел!

– Мерзкий предатель.

А мою кандидатуру она отвергла. Еще бы! Размечтавшись о супермене Пряжникове, довольствоваться каким-то очкариком Колотовым. Ненавижу тебя, Эндрю, ненавижу!

– Придется терпеть, Макс, мы ведь друзья. Выползай, приехали.

Маленькая японка выглядывала из-за барьера и приветливо улыбалась. Андрей протянул ей фотокарточку, найденную в квартире Алены. Там, на фоне красных столбов и огромного гофрированного фонаря с иероглифами, виднелись две фигурки – Алена и высокий, представительный мужчина, «ВМ». В уголке стояла дата – снимок был сделан четвертого февраля 1996 года.

– Давай спроси ее по-японски... – подтолкнул Макса Андрей.

– Ты можешь говорить с ней по-английски, – огрызнулся Макс.

– Ей будет приятно услышать родную речь, и она быстро найдет то, что мне нужно. Максимыч!

– О, Асакуса! – воскликнула японка, взглянув на фотографию, и заулыбалась еще более любезно.

– Эта девушка, – начал переводить Максим, – прилетела в Токио из Москвы рейсом компании «Джал» первым классом где-то около четвертого февраля одна тысяча девятьсот девяносто шестого года. У вас не сохранились сведения? Ее зовут Алена Дмитриева.

Японка озабоченно закивала, начала стучать клавишами компьютера и через пять минут обнародовала номер рейса, которым добиралась до Токио таинственная девушка Алена.

– А вы не могли бы показать нам список всех пассажиров?

Милая японка снова кивнула, нажала кнопочку и развернула дисплей к барьеру. Андрей читал фамилии, в основном русские, написанные латинскими буквами.

– Вот он! – удовлетворенно сказал он. – Вячеслав М. Куницын.

– Домо аригато! – поблагодарил Пряжников миниатюрную сотрудницу «Джала», в один миг растерзав свой богатейший японский лексикон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/levitina_nataliya/opasnye-udovol-stviya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)